

ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

ПУСТАЯ КАРТА

УРАВНЕНИЕ ИЗМЕНЫ

Виктория Борисовна Волкова

Пустая карта.

Уравнение измены

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68495747

Аннотация

Когда в одночасье разрушился мир и почва ушла из-под ног, Маше удалось устоять и заново начать жить. Любимая работа и семья. Большой клан, ставший на защиту. Осталось только расторгнуть брак... Но внезапно бывший муж, плейбой и обманщик, превратился в заботливого отца и нежного друга. Он категорически против развода и готов на все, чтобы восстановить статус-кво. Что теперь делать, если даже карты таро отказывают в совете?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	39
Глава 5	53
Глава 6	63
Глава 7	75
Глава 8	88
Глава 9	104
Глава 10	121
Глава 11	133
Глава 12	147
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Виктория Волкова

Пустая карта.

Уравнение измены

Глава 1

– Нет, так мы в аэропорт точно опоздаем! – горестно вздохнул Вадим, от злости ударив по рулю.

Витольд Стрельников оторвался от договора, лежащего на коленях вместе с пачкой других бумаг, и рассеянно глянул вперед. Пробка впечатляла. Загорались огни светофора. Красный, желтый, зеленый. Но ни одна машина не сдвинулась с места. Сколько хватало взгляда, впереди все три ряда стояли намертво.

– Авария, – буркнул Витольд. Тяжело вздохнув, он положил подписанные листки в пластиковый уголок к остальным документам, сунул все в портфель, немного повозившись с застегиванием. Перебросил на заднее сиденье и посмотрел по сторонам.

– Авария, – устало повторил он. – Смотри, по той стороне едут...

– Если авария, то точно опоздаем, – пробормотал Вадим. – Ты ж обязательно из машины выпрыгнешь и побе-

жишь помощь оказывать.

– Естественно! – отрезал Стрельников и демонстративно отвернулся к окну. По тротуару спешили люди. И двигались они куда быстрее машин. Витольд лениво перевел взгляд на дорогу: ситуация ничуть не поменялась. Лишь в обратную сторону движение казалось оживленным. Наверное, действительно авария. И кто знает, если не приехала скорая, придется остановиться и оказать первую помощь. Как и положено врачу. Но лучше б, конечно, чтобы скорая уже приехала и останавливаться не пришлось. Потому что его ждут самолет, девушка Инна и солнечная Барселона. Там ему предстоит сделать доклад на симпозиуме онкологов. А время поджидает, успеть бы до окончания регистрации. Иначе прахом пойдет и сама Барса, и симпозиум. Только девушка Инна не денется никуда.

На противоположной стороне, за оградой, виднелся парк. Огромный, разбитый еще до революции, и тянувшийся несколько кварталов вдоль центральной улицы города. За узкой пешеходной дорожкой строились в ряды каштановые аллеи, дарившие в такую жару сумрак и прохладу. В тени гуляли мамы с детьми, старики сидели на лавочках.

Он и сам любил это место. В детстве они с Сережкой, самым лучшим другом, катались здесь на каруселях и лодочках. Бегали и орали, целились друг в друга из игрушечных пистолетиков. А сзади шли его старшая сестра Агата и мамОля, Сережкина мама, и болтали без умолку. Позже, через

много лет, он гулял по этим дорожкам с Мэри. Они бесцельно бродили по мокрым аллеям, он держал зонт над их головами, и, кажется, именно тогда Мэри взяла его под руку первый раз. Очень хотелось поцеловать ее, но он не посмел. Последний раз в парк он приходил зимой с женой и с сыном. Лет пять назад. Катал Ленку и Мэри на санках. И чувствовал себя самым счастливым, как последний дурак. А потом все закрутилось и поменялось. Настала другая эпоха. Пришли успех и слава, а вслед за ними – огромные деньги, принесшие соблазны новой, ранее недоступной красочной жизни. А счастье, как-то потихонечку просочившись, ушло по капле, словно его никогда и не существовало.

И Сережка, лучший друг, отдалился, и отношения стали натянутыми. Может, по приезду из Барселоны позвонить, свидеться. Время все-таки лечит. Лучший доктор на все времена. А Мэри... А вот из-за Мэри ему точно гореть в аду.

Витольд еще раз прошелся ленивым взглядом по дорожке. Ничего не изменилось. Мирно гуляли люди. На площадке перед входом в парк обнимались счастливые влюбленные, радуясь встрече. Высокий смазливый парень вручал цветы девушке. Хрупкой блондинке в облегающем ярком платье: огромные красные цветы распускались на сером фоне. Там еще на цветах расселись синие птицы. То ли совы, то ли попугаи. С такого расстояния непонятные науке пернатые сливались с фоном и цветами, образуя невнятные пятна. Но Витольд точно знал, что там они есть. Тот еще наркоманский

сон. Том Бейкер, Лондон.

– Сто-о-о-оп!

– Так только ж поехали! И мы в крайнем левом, нельзя останавливаться, – изумился Вадим. – Ты чего, Вит?!

– Посмотри. – Витольд, задохнувшись от гнева, замахал руками в сторону парочки, заходившей в парк. – Видишь их?

Машина ползла в пробке с черепашьей скоростью, как раз мимо арки, венчавшей главный вход. Мимо девушки в платье имени Тома Бейкера. Блондинка благосклонно приняла букет и под руку с кавалером бодрым шагом отправилась в парк.

– Ну-у-у, – хмыкнул Вадим и потер ежик седых волос на крепком затылке.

– Нет, ты видишь? – Витольд перешел на крик. – Видишь?

– Да! Не ори! Это, наверное, не она, – неуверенно промямлил водитель. – Похожа очень, но не она.

– Да это Мэри! Я знаю точно! – проорал Витольд, не сдерживаясь. – Посмотри на платье! – Он ткнул пальцем в сторону яркого наряда. – Это гребаный Том Бейкер! Я привез ей его из Лондона! Здесь его нет в продаже.

– Подумаешь, платье, Вит! Машенька сейчас на работе.

«Машенька... Убил бы! – злясь на весь мир, подумал Стрельников. – И на какой такой работе, если он обеспечит семью. Мэри ни в чем не нуждается. Не должна!»

– Вот и выясним, где сейчас находится мать моих детей! – яростно пробурчал Витольд. Он быстро потыкал пальцем в

айфон последней модели. Бесстрастный механический голос сообщил что-то об абоненте вне зоны действия сети.

– Блин! Не отвечает. – От досады он стукнул рукой по передней панели.

– Стучи-стучи, – хмыкнул Вадим. – Я поменяю.

Витольд уставился на водителя и усилием воли взял себя в руки. Вдохнул и выдохнул. Полегчало вроде.

– Позвони на работу. А то будешь беситься до самой Барселоны, – посоветовал Вадим, крутанув руль в сторону и резко перестраиваясь на поворот. Отовсюду засигналили.

– Да пошли вы... Самолет не ждет, – огрызнулся Вадим.

– Я не знаю ее рабочий. Всегда звоню на мобильный или домой, – проскрежетал Витольд. Хотелось указать водителю на его место и должностные обязанности. Молчи, без тебя разберемся. Но за рулем его машины много лет ездил зять, муж сестры Агаты. Близкий родственник и друг.

– Значит, звони на Суворовскую! – не отставал тот. – Эльза, скорее всего, дома. Пусть продиктует!

Витольд воззрился на зятя, словно видел впервые. Действительно, его средняя сестра Эльза жила с Мэри и детьми. И знала все обо всех. Витольд набрал номер телефона, его домашнего на протяжении всей жизни, кроме последних двух лет. Но разговор не принес никакого утешения. Эльза, родная кровь, юлила и отвечала невпопад. Но рабочий телефон Мэри все-таки дала.

Пробка рассеялась, как и не было ничего. Ни аварии, ни

поломки. Вадим прибавил скорость, увозя от парка, как от морока.

Машин рабочий телефон оказался занят. И только перед самым поворотом на аэропорт сварливый женский голос сообщил Витольду, что он позвонил в компанию как-ее-к-черту-там и что Мария Васильевна сегодня у клиента.

Прекрасно! Приехали!

Стрельников выпрыгнул из джипа и остановил Вадима, вынимавшего вещи из багажника.

– Оставь! Сейчас не до этого!

Потом заскочил в зал отлета, нашел взглядом красивую брюнетку, застывшую рядом с огромным черным чемоданом.

Она повернулась на взгляд. Одарила томной улыбкой. А потом внимательно посмотрев на насупленного Витольда, шагающего без багажа сквозь толпу, опешила.

– Я никуда не еду! – отрезал он без предисловий, даже не поздоровавшись. – Если хочешь, лети сама, там все оплачено. – Она вгляделась в его лицо, силясь понять, что происходит. Но зеленые глаза смотрели отчужденно, а губы сжались в строгую складку.

– Почему? – только и смогла выдохнуть Инна.

– Сейчас не до этого! – повторил привязавшуюся фразу Витольд. – Пока! – Он развернулся и почти бегом направился к выходу.

Она в недоумении уставилась в спину удалявшемуся лю-

бовнику, высокому крепкому мужику, и не смогла вымолвить ни слова. Да, никуда она не полетит, ни в какую Барселону! Подумаешь, все оплачено! Платила-то не она. Сейчас важнее оставаться здесь. Главное, выяснить, что случилось. И кто ей перешел дорожку.

«Только бы, только бы, только бы. Только бы никто ничего не узнал. Ничего-ничего, ничегошеньки!» – как мантру повторяла Маша.

Самый обычный день. И почему такой переполох? Несколько звонков от Эльзы и Агаты, а пропущенных от дорогого супруга не сосчитать. Он, кажется, сегодня в командировку собирался. Не поехал? С какой стати? Что же произошло? Управь, Господи!

Она открыла дверь своим ключом. И сразу наткнулась на огромные, словно корабли, белые летние туфли. Даже из коридора заметила широкое и крепкое бедро в белой льняной штанине. В зале на диване расположился Стрельников. Нога за ногу. Любимая поза. Сколько лет, сколько зим. И принесла же его нелегкая именно сегодня...

Маша положила розы на край тумбы около зеркала и позвала:

– Эй, народ!

Одновременно из кухни показалась Эльза, из своей комнаты выглянул сын, а из гостиной выбежала Ева.

– Mamochka! А мы с папой книжку читаем! – доложила дочка и запрыгала вокруг, стараясь обнять. Соскучилась.

– Привет, мам! – протянул Ленька и ухмыльнулся. – Розы? Откуда?

– Подарили. В воду поставь, – огрызнулась Маша.

Сын хмыкнул, но к цветам даже не прикоснулся. Всем своим видом показывая: тебе надо, ты и занимайся.

Эльза забрала букет и скосила глаза в сторону комнаты, где восседал муж. Показала на пальцах. Три! Три часа уже прошло, как дорогой супруг сумел-таки найти домашний очаг. Маша задержалась у зеркала, поправила цветастое платье, привезенное мужем из Лондона, кажется в какой-то другой жизни. И зашла в гостиную.

А там гастролировал театр одного актера. Витольд Александрович Стрельников, дорогой супруг и отец ее детей, играл в постановке «Лучший отец семейства». Он сидел на диване с открытой детской книжкой на коленях, рядом примостилась Ева, обнимавшая нового пупса. Другой рукой дочка тыкала в потрепанную книжку и требовала прочесть еще раз полюбившийся стишок. Забавное зрелище!

Маша еле сдержалась, чтобы не рассмеяться.

– По какому разу читаете про муравьишку? – поинтересовалась, улыбаясь.

Витольд вздохнул и отдал книжку дочке.

– Я уже сбился со счета, – устало пробубнил он и добавил грозно: – Что-то ты поздно сегодня, не находишь?

– Тебе-то что? – фыркнула Маша, направляясь к себе.

Она отворила дверь в спальню, считавшуюся когда-то су-

пружеской и два года назад внезапно превратившуюся в ее личную комнату. Гладкие коричневые шторы сменили легкие цветастые занавески, усеянные розами. Равно как и покрывало на огромной двуспальной кровати. В изголовье, уставленном многочисленными подушками, тоже царило розовое безумие. Витольд, войдя следом, мысленно поморщился. Комната ничем не напоминала о нем самом.

«Интересно, а мои вещи, оставшиеся в шкафу, куда дели? Снесли на помойку?» – мимоходом подумал Стрельников и схватил жену за локоть.

– Отцепись, – одернула руку Маша. – Не смей ко мне прикасаться!

– Ты все еще моя жена! – строго напомнил Витольд, прикрывая за собой обе створки двери.

– Надо развод оформить, – устало заметила она, отходя на безопасное расстояние. – Ты подашь иск или я?

– Я не собираюсь разводиться, – ухмыльнулся он, приближаясь.

– Значит, я подам, – отмахнулась Маша, пытаясь обойти мужа. Но тот не позволил.

– Не советую, – рыкнул Витольд, нависая над ней.

– Отвали, Стрельников, – оттолкнула жена. – Иди советуй своим куколкам. Дай пожить спокойно.

– Завелся кто-то особенный? – вкрадчиво поинтересовался муж, похоже, в одночасье передумавший становиться бывшим.

Маше хотелось объяснить, что заводятся блохи, тараканы и мыши.

– Тебе-то что? Интересуешься моей жизнью, Вит?

– Много на себя берешь, Мэри! Ты спишь с ним?

Он схватил ее за плечи и резко притянул к себе. Обнимая, словно удерживая, одной рукой, ладонью другой провел по лицу жены. И повторил вопрос, терзавший уже несколько часов:

– Ты спишь с ним?

– С кем? – Мэри вытаращила на него глаза. – Стрельников, с тобой все в порядке?

– С особенным мужчиной?

Слово «особенный» отдавало сарказмом, а сам разговор идиотской мыльной оперой.

– Ты в своем уме? – Маша попыталась вырваться из объятий, больше напоминавших тиски.

– С другим мужчиной! Отвечай! – рыкнул он, удерживая жену.

Витольд прижал ее еще крепче, а ладонь со щеки медленно стала спускаться на шею, потом на плечо, очень медленно приближаясь к груди.

– Ты редкий идиот. – Маша рассердилась не на шутку, спихнула в сторону ладонь, чуть не накрывшую ее грудь, попробовала освободиться из медвежьих объятий. А потом внятно, по слогам, будто для умственно отсталого, произнесла:

– У меня нет другого мужчины. Я ни с кем не сплю. Мне хватило тебя по гроб жизни!

Витольд хотел заорать, что она врет, он же видел ее сегодня около парка вот в этом самом платье, с хахалем под ручку! Но выставить себя еще большим дураком не захотел. Кроме Вадима, никто не в курсе. И не узнает никогда! Тем более цветы и парк естественные признаки конфетно-букетного периода. Скорей всего, до койки дело еще не дошло. Он всмотрелся в лицо жены. В глазах плескалась боль, давняя, тупая, к которой постепенно привыкаешь. Он видел такие глаза у своих больных. Выходит, для нее, его единственной любимой женщины, он сам стал чужеродным наростом, причиняющим страдания.

– Мэри. – Витольд ослабил хватку и снова погладил ее по лицу, нежно, слегка касаясь костяшками пальцев. – Мэри...

– Я просила тебя так меня не называть. Неужели трудно запомнить? – тихо осведомилась Маша. – В какую игру ты играешь, Витольд? – Жена подняла на него глаза, сухие и бесстрастные. – Давай разведемся. Я с детьми перееду к родителям...

– Нет! – Он застыл на месте. Только эти объятия и имели значение. Он взял себя в руки и добавил сурово:– Никакого развода! Не надейся! Пожили раздельно и хватит. Закончились вольные деньки, Мэри!

– Это ты говоришь? Мне? – Жена задохнулась от возмущения. – Мои вольные деньки?

Маша смотрела на него и ничего не понимала. Сегодня вроде не первое апреля. Или она что-то пропустила?

– Это надолго? Что за новая прихоть? А когда тебе надоест? – Она затараторила быстро-быстро, при этом пытаясь отойти от него. Не получилось. – Ты о детях подумал? Или опять развернешься и уйдешь, а мне придется рассказывать им сказки о том, как ты занят, и капать в сок успокоительное! Ты реши, наконец, с кем ты? Пристань к одному берегу. А то болтаешься, как... – Она осеклась и отвернулась к стене, пытаясь справиться с собой.

– Мэри, пожалуйста! Заклинаю тебя, – взмолился Витольд. – Дай мне последнюю возможность...

– Ты заболел? – хмыкнула она.

– Да, – коротко бросил Стрельников.

Тишина в комнате на миг стала невыносимой.

– Что-то серьезное? Какой диагноз? – Она повернулась к нему и засыпала вопросами.

– У меня очень страшный диагноз, Мэричка. – Муж поймал ее взгляд и попытался снова обнять. Она осторожно вывернулась из его рук.

– Кто диагностировал? – напряженно поинтересовалась Маша.

– Я сам, – признался Витольд, склонив набок голову. Взгляд стал отрешенно-печальным.

– Что?! – вскрикнула она, уже мысленно прикидывая, откуда брать деньги на лечение, если это онкология.

– Я люблю тебя!

– Ты! Паршивый идиот! – Маша задохнулась от злости и стала бить его кулаками в грудь. Он пытался обнять и одновременно поймать эти острые кулачки. Когда у него получилось произвести захват, жена перестала его колотить и, оттолкнув, шагнула в сторону.

– Оставь меня в покое, пожалуйста, – попросила хрипло и честно призналась:– Сегодня очень тяжелый день.

– Расскажешь? – ласково улыбнулся Витольд, призывая на помощь все свое обаяние.

– Нет! – резко осадил ее. – Я отвыкла тебе доверять.

Глава 2

С первого взгляда ничего необычного не произошло. Обычный вечер в кругу семьи. Витольд и забыл уже, каково это. Он вышел из розового царства, устроенного женой в спальне, и быстро прошел на кухню к сестре. Здесь ничего не изменилось. Темная ореховая мебель с узорчатыми стеклами и золотыми ручками. Витольд вспомнил, как сразу после рождения Евы заказывал по каталогу эту самую кухню, а потом ее долго везли из Италии и установили за пару месяцев до его ухода. Что это было, и главное, зачем?

«Захотелось дыхнуть воздуха свободы, пока еще молод», – сам себя уговаривал неоднократно Витольд. «Ну да, – добавил едкий внутренний голос. – А как понял, что этим же воздухом может и Мэри подышать, так сразу обратно кинулся. Даже подарки всем накупил». Витольд мысленно стукнул себя по голове: «Как же я мог забыть!»

Он полез в свой необъятный портфель и достал оттуда картонный пакет. Заглянул внутрь. Как будто бархатная коробка с украшением могла убежать. Стрельников развернулся, собираясь сразу отдать подарок жене.

«Может, тогда и отпущение грехов пойдет веселее», – мысленно усмехнулся он. Маша все в том же ненавистном платье вернулась в гостиную, а оттуда зашла в комнату к сыну. Ленка устанавливал в новый планшет приложения и

программы.

– Это еще откуда? – воззрилась на него Маша.

– Папа подарил, – растерянно пробормотал сын.

Она выскочила из комнаты сына и бросилась к непутевому мужу.

– В честь чего такие подарки, Вит? – требовательно осведомилась она. – Еве – куклу, Лёне – планшет...

– А тебе браслет! – пробормотал Витольд, протягивая ей пакет.

– Что это? – опешила Маша, изумленно уставившись на красную надпись на белом фоне. – Архма?

– Я вижу, ты уже в курсе, – солидно заметил Витольд. – Новая марка, ручная работа. Все изделия в единственном экземпляре. Я специально для тебя заказал...

Маша глядела на мужа во все глаза, не в силах поверить. А потом, как будто решив для себя что-то, велела:

– Давай посмотрим, что же там за редкость такая!

Витольд, внутри ликуя, что Мэри согласилась принять подарок, чинно залез рукой в коробку и достал из нее браслет тонкой работы. Морские звезды и ракушки соседствовали с рыбками и водорослями, сотворенными из драгоценных камней. Удивительной красоты вещица! Он заказывал ее для Инны. Та как-то оставила буклет с этой неповторимой красотой. И Витольд решил сделать любовнице сюрприз ко дню рождения. Но теперь он сам уверовал, что приобрел браслет именно для Мэри.

– Ух ты! Архма! – оценил подарок сын, озадаченно наблюдая за отцом, застегивающим на запястье матери удивительный браслет. – А ты говорила, мам, что тебе не по карману такие украшения!

Она бросила на сына предостерегающий взгляд. Лёнька фыркнул и замолчал. Маша присмотрелась к мужу, пытающемуся понять, как застегнуть подарок на руке благоверной.

– Я сама, – остановила его. – Тебе неудобно.

И легко щелкнув замысловатым замочком, любовно оглядела руку.

– Очень красиво, – довольно заметила она и невесомо клюнула супруга в щеку. – Спасибо!

– Рад, что мой маленький презентик пришелся тебе по душе. – Витольд притянул жену к себе и попытался поцеловать. Основательно, с чувством. Но острый локоток Мэри опять уперся ему в грудь.

– Не так быстро, Стрельников, – прошептала она и так же тихо добавила: – Я прошу тебя впредь не дарить подарки без повода. Нечего из-за своих грехов детей баловать.

– Но я... – попробовал оправдаться Витольд.

– Ты даришь им игрушки и гаджеты на праздники и дни рождения. И я ничего не имею против. Они твои дети. Но просто так задабривать их подарками не смей!

– Я вернулся домой после долгого отсутствия и всем привез подарки. Как моряк из плавания, – развел руками Витольд. – Но ты права, больше не буду.

– А Эльзе? – спокойно уточнила Маша. – Она тоже член нашей семьи. Где ее подарок?

Вопрос показался Стрельникову ударом ниже пояса. Но он совладал собой и отмахнулся легкомысленно:

– Эльза – моя сестра, я ее тем более баловать не хочу.

– Да и не нужно мне ничего, никаких подарков! – всплеснула руками Эльза, выглянув из кухни. – У меня все есть! Я на стол накрыла, пора кушать!

Витольд обвел взглядом кухню и остался доволен. Застеленный кружевной скатертью дубовый стол являл гастрономические чудеса, приготовленные Эльзой. В супнике свекольник переливался рубиновым цветом. Замысловатый салат с травами и орехами. Жаркое на плите. И это простой ужин?

Красавица жена хлопотала над его детьми. Повязывала Еве передник и, проходя мимо сына, легонько погладила его по макушке. Сплошная идиллия. Витольд почувствовал, что нет на земле другого места, где он хотел бы сейчас оказаться. И представить себе чужого мужика за этим столом, с Мэри и детьми, он тоже не мог. До дрожи, до боли в костях. До дикого отвращения к самому себе. Полный апокалипсис! Он мог сегодня выехать на пять минут раньше и не попасть в пробку или поехать другой дорогой, и ничего бы не увидел и не узнал. Не понял бы, что оказался у черты, когда можно все потерять. Он всегда знал, что его жена самая красивая женщина. Но никогда не мог и подумать, что она обра-

тит внимание на кого-то другого, тем более на не годящегося ему в подметки простого офисного клерка.

Весь ужин Витольд разговаривал с Ленкой о хоккее. Интересовался, как идут тренировки. Рассказывал смешные истории о своей спортивной молодости. Сын смеялся. Вслед за ним начала хохотать маленькая Ева, которая ничего не понимала, но смеялась с братом за компанию. Пару раз хихикнула Эльза. И только Мэри, задумчиво рассматривая его подарок на своей руке, даже не сделала попытки улыбнуться.

«Взяла, не швырнула в лицо, и на том спасибо», – мысленно счел добрым знаком Витольд.

В какой-то момент в сумке зазвонил Машин сотовый. Витольд кивнул сыну:

– Принеси матери!

Мужской голос громко поинтересовался, как Машенька доехала, как себя чувствует.

Витольд глянул на сына, как на сообщника:

– Кто?

– ДядьНикита, – удивившись, ответил сын. Родной брат жены.

Мэри, сославшись на присутствие мужа, быстро закончила разговор. Они так часто общаются с братом? Хотя кто его знает. Эти двое всегда были близки. Сережка Архипов, старший брат жены, просто пресек, как отрезал, любое общение, когда Витольд решил пожить в свое удовольствие. А вот Никита пообещал переломать обе ноги за сестру. Добровольное

войско Мэри. И если с Сережкой получится договориться и перетянуть на свою сторону, то Никита – стойкий защитник. Без компромиссов.

Одну сестру они уже потеряли. Достаточно!

– Ты когда домой собираешься? – поинтересовалась жена, относя тарелки.

– Я и так дома, дорогая! И никуда сегодня уже не поеду, – вкрадчиво ответил Витольд, улыбаясь.

Супруга фыркнула и, сунув посуду в мойку, принялась мыть. Эльза делала вид, что хлопочет на кухне, но Витольд краем уха уловил пару фраз, которыми перебрались его жена и сестра. Эльза что-то спросила одними губами, а Мэри ее одернула: «Молчи. Потом». Через час-полтора купали Еву. И его драгоценная дочь плескалась в ванной с мячиками и уточками. Витольд сидел на краю ванной и наблюдал, как жена бережно моет ребенка. После купания он отнес в спальню завернутую в полотенце Еву, свою самую драгоценную ношу. Помог одеть пижаму на своевольную дочку, которая начала воображать и отказалась наотрез спать именно в этой пижамке с клубничками.

– Хочу с девочками, – заявила она и еще ногой топнула.

– Ева! – цыкнула на младшенькую Мэри. Малышка успокоилась и потребовала сказку.

– Почитай ей, – буднично так попросила жена и выскользнула из детской. Витольд слышал, как она прикрикнула на сына, давая последние пятнадцать минут на игру. Затем про-

шла в сторону кухни. Скрипнула закрывающаяся дверь. И все стихло. Местный женсовет приступил к заседанию. Наверное, сейчас ему вымоют кости. Все. Добела.

Витольд подождал, пока Ева заснула. Она долго вздыхала и крутилась. Но потом, видать, смирившись, что ее укладывает спать отец, а не мамочка, отвернулась к стене, поводила пальчиком по неведомым завитушкам на обоях, и минут через пять послышалось ровное дыхание. Витольд посидел еще немного около дочери. То ли лишний раз убеждаясь, что малышка спит, то ли давая своим тетенькам время наболтаться.

Он уверенно зашел на кухню и попросил сделать чаю. Мэри кивнула на большой заварочный чайник:

– Наливай, еще горячий!

Эльза отвернулась. Но Витольд успел заметить красные глаза сестры. Плакала, что ли? Если так, то плохи его дела! Значит, Мэри настроена непримиримо.

– Что-то случилось? – насторожился он.

– Нет! – хором ответили обе женщины.

– Эльза? Мэри? Могу я узнать, что происходит в моем доме?

– В нашем доме ничего не происходит, – твердо ответила жена. Сестра закивала в ответ.

Витольд понял, что так ничего узнать не удастся. И решил допросить по отдельности каждую, делая ставку на Эльзу, как более слабохарактерную и трусливую.

Он дождался, когда жена вышла из кухни. Сначала она

отогнала сына от приставки и отправила спать, потом прошла в ванную, полилась вода в душе.

Витольд тут же представил, как по груди жены стекают струйки воды, как прозрачные капли скользят по животу и бедрам. Он силой воли отбросил прочь нескромные мысли, так и до фиаско недалеко, и заставил себя сесть напротив сестры, а не ломиться в ванную.

– Эльза? – требовательно заявил он, глядя на сестру.

– Что «Эльза»? – передразнила она с вызовом в голосе. Его бессловесная и тихая сестра попробовала перечить ему. Новости какие, скажите пожалуйста!

– Почему ты плакала? – осведомился он миролюбиво.

– Тебя не это должно волновать, Виташа! – с тихим достоинством сказала Эльза. Голос сестры показался грустным и усталым. Обреченным.

– А что же должно? – усмехнулся он.

– Ты не находишь, что ситуация странная и неприемлемая? Ты вваливаешься в дом и пытаешься вести себя как ни в чем не бывало. Решил, что Маша примет тебя обратно? Вот так сразу? Ничего не произошло за два года?! – Эльза, его тихушница сестра, сорвалась на крик.

– Эльза!

– Что «Эльза»? Что?!

– Эльза, это мой дом. Априори. Моя семья. И где бы я ни был эти два года, я содержал свою жену и детей...

Маленькая сухая ладонь сестры моментально свернулась

в смачный кукиш.

– Накося выкуси! – торжественно заявила она. – Маша ни копейки не потратила из твоих денег, после того, как узнала, что ты путаешься с этой... с этими...

Эльза опрометью выбежала из кухни. А Витольд задумался. Он никогда не делал секрета из своей вольной жизни. О его похождениях знает Вадим. Зять иногда подвозил и увозил разных цыпочек. Ну и про постоянных подружек он прекрасно осведомлен. А знает один колхозник, то и весь колхоз в курсе. Витольд поморщился, понимая, что каждый его шаг на сторону давно перестал являться секретом. Если Эльза, старая дева, и та силится рассуждать о его бабах. И конечно же, тесть в курсе. Сразу из первых рук. Тот же Вадим счел долгом сообщить, или Агата натрепалась мамОле, а та доложила главнокомандующему. Но, вероятно, Вадим... мало того что зять, так еще и единокровный брат Мэри. Самый старший сын Чапая от первого брака. Агата уверяла, что ее муж и свекор находятся всю жизнь в перманентной ссоре, но ради всеобщей любимицы могли и помириться.

«Против кого дружите, ребята? – мысленно скривился Витольд и прикинул про себя, какая разница в годах между старшим нелюбимым сыном Чапая и его обожаемым последышем. – Вадим с Агатой ровесники. А у нас с ней четырнадцать лет разницы. И с женой восемь. Значит, Вадька старше Мэри на двадцать два года».

Вернулась Эльза с кусочком золотого пластика. Швырну-

ла на стол и замолчала на вздохе, а потом прикрикнула на младшего брата:

– Проверь баланс! Мы копейки оттуда не потратили. Нам не нужны твои поганые деньги! Какая же ты гнусь, Виташа! Даже никогда не думала, что скажу тебе такое. – Она плюхнулась на стул и разрыдалась, закрыв лицо руками.

– Эльза! – Витольд, машинально сунув карточку в карман рубашки, подошел к сестре. Присел на корточки рядом, заглянул в глаза, погладил по руке.

– Эльза, помоги мне, а? – протянул жалостливо. – Я хочу вернуть жену.

Сестра перестала тереть глаза и повернулась к нему. Потрепала по голове, как маленького. Прижала его голову к своей груди.

– Ты редкий придурок! – прошептала она, словно поставила диагноз безнадежному больному.

В этот момент Витольд понял, что Эльза на его стороне, собственно, где находилась всегда. Сестра обязательно поможет.

– На что же вы живете? – бросил он небрежно, усаживаясь за стол и наливая себе чаю.

– Моя пенсия и Машина зарплата! – горделиво заявила сестра, расправив плечи. Худенькие маленькие косточки под трикотажным платьем казались цыплячьими крылышками.

– Твоя пенсия – это что-то до двадцати тысяч. Правильно? – уточнил Витольд деланно спокойным тоном.

Эльза кивнула.

– Сколько платят бывшим балеринам? – жалостливо хмыкнула она и всплеснула руками.

– А зарплата Мэри? – гнул свою линию Витольд.

– У Маши хорошая зарплата, – тут же заверила сестра.

– Сколько выходит? – лениво поинтересовался Стрельников.

– Восемьдесят – сто тысяч... Месяц на месяц не приходится!

– Сколько?! Откуда? – опешил он. – У нее нет опыта. Где платят домохозяйкам такие деньги?

– Ее Сергей устроил на очень хорошее место. Когда Маша узнала, что ты с этой... ну с этой. Чуть с ума не сошла. Тут и Сережка приезжал, и Никитка. И Чапай с Ольгой. Целая делегация!

Сережка с Никиткой – это старшие братья жены. И если их Мэри в беде, примчатся по первому зову. А вот Чапая – отца Мэри, Василия Ивановича Архипова, с места не сдвинешь. Значит, совсем что-то страшное случилось, раз тесть сам явился. Прозвище Чапай прикрепилося к нему еще с молодости из-за имени отчества. И сколько себя помнил Витольд, иначе старшего Архипова никто не величал. От генералов до прапорщиков.

– Ты вызвала?

– Я Никите позвонила. Ее рвало, бедную, истерика началась. Я перепугалась ужасно.

– А мне почему не позвонила? – рявкнул он.

– Тебе? – Эльза хмыкнула и заметила ехидно:– А ваше величество как раз с этой Ингой в Париж укатило.

– Инной, – поправил Витольд автоматически.

– Какая разница, Виташа? – устало отмахнулась сестра.

Никакой!

– Маша к приезду родителей уже успокоилась. Ее только братья на самом пике истерики застали. И то, сразу Сережка какие-то порошки намешал, выпить заставил. Так что, когда Чапай заявился, она уже себя в руки взяла. Маша тогда и попросила родню работу ей найти. И Сережка нашел почти сразу же.

– Какую?

– Поздно уже! – оборвала Эльза. – Спать пора. Я в твоём кабинете бывшем постелю, ладно?

– Нет, – Витольд качнул головой, – я пойду в спальню, мое место там, рядом с Мэри!

Глава 3

Она долго не могла заснуть. Из кухни слышались приглушенные голоса. Но даже по обрывкам фраз Маша догадалась, что Эльза сдает все явки и пароли. Скрывать особенно нечего бедной соломенной вдове. Зато внезапно свалившийся на голову муж теперь выпытывает у сестры подробности двух лет одинокой жизни.

«Не завелся ли кто-нибудь „особенный“? – мысленно поинтересовалась Маша голосом Витольда, и сама же захихикала про себя. – Все тебе расскажи, Витольд Александрович!» – внезапно разозлилась она. Маша вздохнула и выдохнула, веля себе успокоиться. Иначе не уснуть до утра. А там хоть и суббота, но дел невпроворот. Сначала Ленкина тренировка, потом на работу нужно заехать и к родителям. Она протянула руку к телефону, лежавшему на тумбочке, когда мобильник ожил. На экране высветилось сообщение.

«Пустая карта».

А если в колоде таро выпадает карта без рисунка, то дальнейшее гадание запрещено. Еще не настало время узнать будущее. Маша щелкнула на кнопку «Удалить», и вся переписка тут же исчезла.

Еще не пришел час впустить Витольда в свою жизнь и безоговорочно доверять ему. И наступит ли такое время, Маша не знала. Но и загадывать что-то наперед не собира-

лась. Неизвестно, что придет в голову взбалмошному супругу, возомнившему себя шахиншахом с гаремом и наложницами. Завтра развернется и уйдет к своим цыпочкам, а она снова останется у разбитого корыта. Хотелось бы верить, но только не Витольду Стрельникову. Опасно для жизни. А она уже один раз обожглась.

Маша поправила подушку и, перевернувшись на бок, попробовала отрешиться от грустных мыслей. Но дурацкие воспоминания так и лезли в голову и надрывали сердце.

Она вспомнила, как поехала в «Эпсилон», самый большой торговый центр, за подарками для Майи, старшей дочери Сказочника – сослуживца отца. От родителей, Эльзы и от них с Витольдом. Маша будто снова ощутила, как, пройдясь по магазинам, без сил рухнула в любимом кафе. Заказала себе чашку бульона с гренками, «Цезарь» и капучино. И допивая кофе, увидела Витольда. Она обрадовалась мужу и уже собралась помахать ему, когда с удивлением обнаружила, что он садится за столик к какой-то девице и тянется с поцелуем к толстым, накачанным силиконом губам. Маша почувствовала, как обед поднимается вверх, и, силясь не закричать, решительно встала.

– Счет, пожалуйста, передайте вон тому мужчине, – обратилась она к официанту, указывая на мужа. В этот момент Витольд поднял голову и встретился с ней глазами. Напрягся, лихорадочно соображая. И молча уставился на официанта, поспешившему к нему за оплатой. Маша, чувствуя, как

спину буравит тяжелый взгляд мужа, покинула кафе с высоко поднятой головой и бегом бросилась из торгового центра, словно из зачумленного барака. И на выходе врезалась в чью-то широкую грудь.

– Извините, – пробормотала она, пытаясь обойти.

– Давай сумки, – пробурчал Вадим, старший единокровный брат. – Витольд позвонил, велел тебя домой отвезти. У него деловая встреча.

– Хоть ты мне не ври! – словно раненая, вскрикнула Маша и, забравшись на заднее сиденье джипа, отвернулась к окну.

– Я тут ни при чем, – заверил ее Вадим. – Мое дело маленькое – крутить баранку.

– Вот и крути! – разозлилась она. А про себя подумала, что если старший и взрослый брат принялся юлить и оправдываться, значит, он точно в курсе всех походов Стрельникова. Кто еще знает? Сережка? Наверняка! Майя Баженова? Наверное! Кто же еще? Да, может, и весь клан. Только она одна, как дура, оставалась в неведении. Никто не сообщил, не предостерег.

Она смутно помнила, как вернулась домой, и Вадим занес в квартиру все пакеты с покупками. И уже дома Маша вспомнила, что еще нужно собрать любимому чемодан. Стрельников вечером отбывал в Париж на конгресс по гемостазу.

– Подожди, пожалуйста, – попросила она Вадима. – Чемодан заберешь. Его величество в аэропорт сразу после работы поедет.

Маша будто со стороны снова увидела, как прошла в спальню и начала складывать вещи в небольшой черный портплед из телячьей кожи. Костюм, чтобы не было заломов, пару рубашек и галстуки. Оставалось только положить пакет с бельем. И тогда она опрометью бросилась к шкатулке с рукоделием, достала ножницы и быстро почикала все боксеры в районе промежности. Потом сложила трусы аккуратно в пакет и, застегнув змейки на портплеке, выдала его Вадиму. А когда за сводным братом закрылась дверь, взяла себя в руки и позвонила Катерине, школьной подружке.

– Ты можешь посмотреть рейс на Париж? – требовательно попросила она. – Мой муж уже зарегистрировался на сайте? Кто летит с ним рядом?

Катка пробурчала что-то нечленораздельное, потом застучала по клавишам. Потом наступило молчание. Тягучее и неприятное.

– Катя, – напомнила о себя Мария. – Я знаю, что у него кто-то есть. Ты не станешь гонцом, приносящим дурную весть.

– Программа грузится, – попыталась уйти от ответа Катерина.

– Ты мне друг или как? – надела на работающую в местном представительстве Аэрофлота подружку Маша.

Катя что-то пробурчала про себя и снова застучала по клавишам.

– Зарегистрировался, голубь ясный, – хмыкнула она. – Ря-

дом с ним сидит Чернова Инна Михайловна. Наверное, лежат вместе. Она прошла регистрацию сразу после него. Две минуты разницы. Такие совпадения исключены. – Катерина замолчала на минуту и с чувством витиевато выругалась. – Что делать собираешься? – осведомилась настороженно.

– Не бойся, – хладнокровно заметила Маша. – С моста не кинусь и в петлю не полезу. Но и предательства не прощу! – заявила она высокопарно.

Но, как оказалось, никто и не собирался просить прощения, и возвращаться к семье тоже не спешил.

Первые дни Витольд звонил ей из Парижа, писал грозные сообщения. Но перемещение номера любимого в черный список избавило Машу от назойливого абонента.

– Напугала ежа голым задом, – хмыкнул тогда отец. – Он пока не нагуляется, не вернется!

– Спасибо за прогноз, – разозлилась Маша. А мама зашипела на отца. Тот насупился и замолчал.

Правильнее было бы сменить номер телефона, переехать к родителям и пойти работать. Но из всего намеченного удалось только найти работу. Номер телефона менять бесполезно. Обязательно кто-то из родственников проболтается Витольду. И переезд пришлось отложить. Из-за Ленькиной школы и истерик Евы. Постепенно жизнь вошла в свою колею. Маша научилась избегать мужа, сводя редкие встречи к минимуму. Иногда на выходные он виделся с детьми. Она этому не препятствовала, но настаивала, чтобы Агата или

Эльза присутствовали при этих встречах. И, конечно же, никаких баб рядом с ее детьми. Иногда они случайно сталкивались у тех же Агаты и Вадима, но Маше удавалось держать дистанцию и подчеркнуто вежливо вести беседу. Муж, получивший статус «бывший», ничуть не страдал и продолжал жить в свое удовольствие. Ровно до этого дня. Она не стала даже задумываться, почему муж решил вернуться в семью. Очередная блажь. Интересно, надолго ли его хватит? Месяц от силы. Потом снова уйдет в свое «плавание» с Иннами, Алинами и прочими гламурными дамочками. Статус у него видите ли! И почему на первом месте не семья и дети, а дурацкий статус? Для кого это важно и кому нужно?

«Только не мне, – мысленно хмыкнула Маша. – Пусть поиграет в примерного семьянина и отчалит. Нет смысла даже думать, впускать его обратно в свою жизнь или послать лесом? Никто никуда не возвращается. Только для чего Витольду понадобилось это представление? И почему он появился именно сегодня, отменив командировку в Барселону? Что-то узнал? Невозможно!»

Маша почувствовала, как от волнения заколотилось сердце. Выпить бы валокордина. Но кухню оккупировал Витольд. А когда едкий запах распространится по квартире, примет ее волнения на свой счет. Обойдется!

Все обойдется. Она прекрасно понимала, что если вся правда выплывет наружу, то ей несдобровать. Первым делом разгневается отец. Сережка, родной старший брат, оскорбит-

ся до глубины души. Но разве она могла поступить иначе? Где и когда допустили ошибку? И кто виноват, что старшую сестру просто вычеркнули из жизни семьи и клана? Что же произошло тогда, пятнадцать лет назад? Кто сейчас разберется в этом?

Боль за старшую сестру Лиду, за свою семью и за свою не самую счастливую жизнь захлестнула Машу. Она уткнулась в подушку, похлопала носом, а потом решительно смахнув слезы, попыталась вспомнить ту грань, после которой полностью изменился в одночасье уклад сразу трех семей – Архиповых, Стрельниковых и Баженовых. Семьи трех неразлучных друзей, долгие годы служивших в Уссолье. Чапай, Доктор и Сказочник. Комбат, военврач и начальник первого отдела. Сказания о великой дружбе, о жизни в одной коммунальной квартире Маша слышала не раз. Ей, единственной из всех детей, не довелось «служить» вместе со всеми. Родилась уже, когда отца перевели в Академию, в Европу, как шутили в семье. Но и она воспринимала Стрельниковых и Баженовых как самых близких родственников. Родители, чем могли, помогали Агате и Эльзе, когда умерла их мать. А отец погиб еще раньше. Витольд вырос вместе с братьями. Словно одна большая семья. Только Лида, ее старшая сестра, держалась особняком. Почему она оказалась парией в собственной семье и в клане? Дети это чувствуют интуитивно. Маша попробовала прогнать непрошенные воспоминания, к горлу подступил ком. Когда она сама осознала, что Лиду не

любят родители?

Года в четыре из-за ее сбитых об асфальт коленок отец ударил Лиду по щеке. Мама даже не заступилась за старшую дочь. Она просто взяла и унесла маленькую Машу в ванную обрабатывать ссадины. Помнится, следом примчался и суетился отец, дул на вавки, пытаюсь отвлечь. А из кухни слышались бабушкины причитания, как же такая взрослая девка не смогла уследить за ребеночком.

Уставший мозг тут же переключился на бабулю. На ее руки, обнимавшие по каждому поводу и без. Маша всхлипнула, отогнав мысли о своей загубленной судьбе. И заснула.

Ей снились Лида, родители и бабушка. Даже во сне отец прогонял старшую дочь, а она тянула руки и звала ее, Машу.

Потом вдруг стало тепло и спокойно. Словно развеялись злые чары. Она тихонечко позвала сестру. Раз, другой. Сильные руки развернули ее, потормошили.

– Мэри! Пожалуйста, проснись!

Только один человек на всем земном шаре звал ее Мэри. Лет в двенадцать это считалось шикарным, в двадцать – вошло в привычку. Сейчас, через два года разлуки и предательства, казалось просто глупым и отвратительным.

Маша мгновенно проснулась и, открыв глаза, сразу увидела в полутьме голый торс мужа.

– Стрельников, какого черта ты делаешь в моей постели? – яростно прошептала она. – Убирайся отсюда!

– Не шуми, любовь моя! Побудешь весь дом. Детей ис-

пугаешь. Я не кусаюсь, – прошипел вероломный муж, предатель и негодяй. Он притянул ее к себе поближе, проворковал в ушко:– Ты Лиду звала? Что случилось?

– Снилась... – отмахнулась Маша, откатываясь на край кровати. И понимая, что уснуть не сможет, поинтересовалась:

– Вит, а ты помнишь эту историю? Что там произошло на самом деле?

Витольд посмотрел на нее внимательно. Даже в темноте комнаты Маша видела его недовольный взгляд.

– К чему эти вопросы, Мэри? Тринадцать лет прошло! Давай поспим хоть чуть-чуть.

– Тогда иди на диван, – решительно мотнула головой Маша.

– Что тебе не терпится узнать? – нехотя вернулся к неприятной теме муж, не желая уходить из супружеской кровати.

– Все! Она говорит, что никого не убивала, – азартно прошептала Маша.

– Она говорит? Ты с ней общалась, что ли? – Витольд придвинулся к жене и, приподнявшись на локте, взял Мэри за плечи. Его глаза стали колючими, а лицо настороженным и злым.

– Говори! – Он наклонился над ней, притянув к себе. – Мне не нравится, что ты с ней видишься! Я запрещаю...

– Как мило, не находишь? – фыркнула Маша, освобождаясь от объятий мужа. – Запрещает он!

– Мэри, ты не понимаешь, это рискованно. Твоя сестра... – он снова попытался обнять жену.

– Отвали, Витольд! – Маша нетерпеливо оттолкнула его. – Может, мне тоже не нравится твой круг общения! Но я не ору по этому поводу посреди ночи.

– В моем окружении нет убийц! – рыкнул Стрельников. – Лида опасна! Она убила человека!

Глава 4

– Ее могли подставить! – Оттолкнув мужа, Маша села на кровати. Включила ночник.

– Кому это нужно? – пренебрежительно хмыкнул Витольд, откинувшись на подушки. – Кто пойдет на убийство, чтобы подставить Лидку? Не смей!

– Она винит тебя! – отрезала Маша.

– Глупости, Мэри, – пробурчал Витольд. – Я ее от тюрьмы спас. И вот она, благодарность. Тебя настраивает против меня. Хотя что еще можно ожидать от этой суки! – Муж от злости стукнул кулаком по кровати.

– Ты сам справился, Стрельников, – устало отмахнулась жена. – Без всяких помощников. – И, тяжело вздохнув, добавила: – Почему никто не провел расследование? А если она не виновата?

– Виновата. – Муж потер лицо, потом покрутил нос – верный признак, что Витольд думает над ответом, но не скажет правды. – Это установил суд. Вина твоей сестры даже не подлежит сомнению.

– А она говорит...

Витольд призвал на помощь все свое терпение. Нужно разобраться, как эта тварь втерлась в доверие к его жене. Но сейчас интересоваться подробностями не стал.

Он снова провел ладонью по лицу, покрутил нос.

– Тебе не нравится твой нос? Лепишь новый? – не выдержала Маша.

– Что? – не понял поначалу Стрельников. Потом тихо рассмехался. Притянул жену к себе.

– Давай жить вместе, Мэри!! Я соскучился по тебе!

От голоса мужа с придыханием, от жаркого шепота прямо в ухо Маше сделалось не по себе.

– Живи, – просто бросила она. – У нас комнат много.

– Не в этом смысле...

– Нет! – Жена полыхнула горящим взглядом и даже выставила вперед обе руки. – Держи дистанцию!

– Почему? – хрипло поинтересовался он.

– Когда нет любви, секс становится техническим мероприятием. Слово есть такое гадкое – совокупление.

– Я люблю тебя! – рыкнул Стрельников.

– А я тебя нет.

– Мэри, девочка моя! Глупости говоришь! У нас с тобой великая любовь...

– Уже нет. Ты можешь остаться и жить с нами одним домом, Витольд, – заявила твердо Маша. – Это твой дом, твои дети. Но только оставь в покое меня. Эти признания ни к чему. Я их от тебя столько наслушалась. И все они оказались ложью.

Горечь в голосе жены показалась Стрельникову неподдельной. Глаза, полные слез, смотрели на него настороженно и сердито.

Он хотел утешить, сказать хоть что-то, но в своей комнате сначала завожилась, потом громко заплакала Ева. Мэри встала и ушла к дочери.

Витольд долго лежал один на огромной супружеской кровати. Спать расхотелось. Сначала он ждал жену. Но потом, поняв, что она не придет, заглянул в детскую. Мэри примостилась вместе с Евой на небольшом двухместном диванчике, где обычно обитали все куклы малышки. Теперь же игрушки валялись на полу, а его жена и дочь обнявшись лежали под детским одеялом. Витольд замер, услышав тихое причмокивание. Мэри до сих пор кормила Еву грудью. Врач внутри него возмутился. Стрельников понял, что это надолго. Он, шагнув в спальню, стянул с кровати покрывало, вернулся и накрыл своих девочек. Кинув маленькое детское одеяльце в пустую кроватку дочери, Витольд поплелся обратно и, достав с полки махровую простыню, плюхнулся на супружеское ложе, надеясь уснуть.

Сон не шел. Он подумал о жене. Пора бы прекратить грудное вскармливание на третьем году жизни. Вот же безобразие! Но Мэри – замечательная жена и мать, готовая на все ради своих детей. Она и его легко приняла обратно только из-за Леньки и Евы. Хороший знак. Не все сразу. Нужно действовать постепенно, и со временем жена вернется в его постель. Тут все просто. Раз переживает и плачет, значит не разлюбила окончательно. А вот с Лидой вопрос серьезный. Очень. Откуда у Мэри такой интерес к судьбе старшей сест-

ры? Почему всплыла та далекая трагедия теперь, через пятнадцать лет? Он прекрасно помнил ту жуткую историю с Лидой. Но что можно рассказать жене, он не знал. Очень хотелось, чтобы все минуло, как и не было никогда. Где Мэри столкнулась с Лидой? Как стали общаться? В том, что это общение существует, Витольд не сомневался. Нужно выяснить! Приставить к жене детектива. Поговорить с Сережкой и Майей. Не хватает, чтобы подробности тех событий сейчас вылезли наружу. Журналисты, если такую тему унюхают, поминай как звали! Этого допустить нельзя, ни в коем случае! Так же нужно узнать, где именно работает Мэри. Зарплату в сто тысяч просто так никому не платят. У нее же опыта никакого. Куда ее пристроил Сережка? В любом случае придется звонить ему, хочет или нет он разговаривать.

Витольд уснул под утро, когда первые лучи солнца уже просочились в спальню. Но спать пришлось недолго.

– Папа, пап! – Леня, уже одетый, слегка дергал его за руку.

– Ты чего? – сонно пробормотал Витольд, с трудом открывая глаза.

– Поехали со мной на тренировку, а? – жалобно попросил сын.

– Мама спит?

– Да, Ева к ней, как пиявка, присосалась.

– Не буди ее. Сейчас встану, дай пять минут!

– Только не засни, пожалуйста! А то опоздаем!

Пока завтракали, на кухню пришла Ева. Заспанная и

лохматая. Она тут же забралась на руки к отцу и потянула сырник, только пожаренный Эльзой.

– Ты же всю ночь ела, пиявка! – возмутился Ленька.

Ева посмотрела на брата огромными голубыми глазами и скомандовала:

– Сок!

Сестра и сын бросились наперегонки исполнять указания маленькой негодницы.

– Ева, ты должна попросить вежливо, – прошептал Витольд, целуя дочку в темечко, вдыхая ее запах. Нежный и сладкий. Родной.

– Ты поедешь с нами, доченька? – неожиданно даже для самого себя спросил он.

Малышка радостно закивала:

– На тьениовку? Да-а-а-а! – Тогда собирайся! Быстро и тихо. Эльза тебе поможет.

– Одень ее, пожалуйста! – попросил Витольд сестру. – Только Мэри не разбудите.

Эльза посмотрела на него внимательно и впервые за все утро удостоила ответом:

– Хорошо.

Ледовая арена встретила Витольда солнцем, фонтанами у входа. И воспоминаниями. Там в вестибюле, на огромных гранитных плитах, выбиты и их с Сережкой имена. Предмет особой гордости. И по всему фойе развешаны фотографии

команд, занявших первые места на чемпионатах. Где-то еще должны стоять кубки, с тяжелым боем выигранные у соперников. Витольд зарулил на стоянку для персонала, приветственно помахав охраннику удостоверением.

– А мы с мамой на обычной останавливаемся. Она говорит, эта только для сотрудников.

– Да, и для членов федерации.

– Ух ты ж! Круто!

Витольд вышел из машины и потянулся к задней двери со стороны водителя, достать из креслица Еву. Он только успел открыть дверцу, как к нему быстро подбежал Ленья.

– Вон видишь, белый форд на стоянку заворачивает? Это Гордей Тимофеев. Терпеть его не могу!

– Почему? – внутренне напрягся Витольд. – Он тебя обижает?

– Нет! Он просто отвратный пацан, – возмутился Ленья. – И еще его отец за мамой ухаживать пытается. Это он ей цветы дарит, придурок!

В голосе сына звенела обида.

– Ты же никуда не уйдешь, правда? – Сын воззрился на него с надеждой.

– Нет, – твердо заверил Витольд. – Не сомневайся.

Он достал изнывающую от нетерпения Еву из кресла. Поправил на ней джинсики и майку.

– Ленья, мы взяли ее носки?

– Да, у меня в сумке!

– Давай сюда!

Витольд засунул малявкины оранжевые носочки с кружевом к себе в карман, а маленькую белую кофточку положил под мышку. Осмотрелся по сторонам.

В вестибюль Арены уже заходили дети с родителями. Мальчики – на хоккей, девочки – на фигурное катание. На стоянке, рядом с белым фордом, стояли невысокий коренастый мужик и щуплый мальчик лет восьми. Мужик никак не походил на того, вчерашнего из парка, номер один.

Да, Мария Васильевна! Стоило мужу отвернуться на минутку и ослабить внимание, к вам уже очередь выстроилась, как в мавзолее.

Витольд не стал сам себе уточнять, что минутка растянулась на два года, а отсутствие внимания свелось к полному безразличию. Стрельникова душили ревность и злость. Он всегда знал: что бы ни случилось, Мэри его дождетя, как верная Сольвейг. Оказалось, ошибался!

Витольд держал Еву за руку. Дочка приплясывала и болтала без умолку. Леня шел с другой стороны, нес сам спортивную сумку и ворчал на сестру:

– Вот ведь болтушка! Зачем ты ее только с собой взял! Она тебе не даст тренировку посмотреть.

– Зато не разбудит мать, – отрезал Витольд и отрывисто бросил сыну: – Как давно этот тип к нашей маме клеится?

– Сначала Гордея бабушка на тренировки водила. И с нашей Эльзой познакомилась. Потом, когда меня мама водить

стала, бабушка у них заболела вроде. И его отец...

– Леня, когда?

– Так я же и говорю. Полгода назад, не больше, отец с ним ходить начал. А на прошлой неделе цветы приволок. Хорошо, что ты вовремя вернулся!

«Действительно! – мысленно хмыкнул Витольд. Но горечь в словах сына и понуро опущенные плечи заставили задуматься. – Что же пережил этот маленький мужичок с моим уходом? Наверное, истерикам Евы я тоже виной? Погулял, нечего сказать».

В знакомом вестибюле толпился народ. Дети всех возрастов, тренеры, взрослые спортсмены. Десять лет подряд он ходил сюда почти каждый день. Он тогда не мыслил без тренировки не единого дня. Синяки становились привычным делом, переломы тоже.

– Какие люди и без охраны! – окликнул Коля Загибин, игравший когда-то в его команде, теперь Ленькин тренер.

Обнялись, щеками потерлись, руки пожали.

– Давно тебя не видел на Арене, – протянул Коля.

– Некогда было, – лениво ответил Витольд. – Как смог, сразу пришел.

– Ну и молоток! – радостно сказал Коля и, ухмыляясь, добавил:– Глянь, вон Серега Архипов притащился. Может, сегодня какой день встречи, а я не знаю?

Сергей быстро шел к ним, но то и дело вертел головой по сторонам.

– Маша где? – рыкнул, не здороваясь.

– И тебе здрасьте, братан! – разулыбался Коля. – Идите через служебный вход на тренерскую трибуну, покалякаем! – И громким строгим голосом объявил:

– Так, пацаны! В раздевалку! Тренировка через пятнадцать минут! Не опаздывать!

Глеб Тимофеев чувствовал, как накатывает ярость. Хорошо хоть, очередной веник не вытащил из машины. Он изда- лека видел, как подъезжает к стоянке Марусин серебристый туарег и уже собирался приветственно посигналить или поморгать фарами, но машина свернула к другому шлагбауму. Из окна водителя показалась большая мужская рука с зажа- тыми в пальцах синими корочками, волшебным образом от- крывающими путь на почти пустую служебную парковку. Он немного завозился около багажника, поэтому увидел только со спины Марусиного мужа. Высокого крепко сколоченного мужчину с коротким ежиком волос. Дети шли рядом и чуть не прыгали от радости. Вернее, Ева прыгала и приплясыва- ла, а Леня смотрел на отца во все глаза и даже головы не по- вернул поздороваться.

В вестибюле начался ажиотаж. К Стрельникову-старшему подходили люди, одни уважительно здоровались, другие по- простому, без церемоний, кидались обниматься. Ясно, что отец Лени Стрельникова сюда пришел не в первый раз, со многими знаком. Даже тренер Николай Юрьевич, к которо- му и на хромой козе не подъедешь, улыбался во весь рот и

радовался, как мальчик.

– Смотри, вон видишь, мужик стоит рядом с Загом! – услышал Глеб позади себя басовитый голос. – Это сам Витольд Стрельников, капитан нашей сборной в восемьдесят восьмом! Они тогда еще чемпионат среди юниоров выиграли.

– Да, легендарный мужик!

Через служебный вход не пошли. Витольд сослался на Еву, которая начнет бродить среди рядов и мешать вести тренировку.

– Я не понял, где Маша? – недовольно спросил Сергей, когда поднимались по лестнице вместе с другими родителями к трибунам.

Витольд заметил краем глаза идущего прямо за ними неудачника-воздыхателя, папашу какого-то там Гордея.

– Мэри дома в койке спит, – фыркнул Витольд грубовато, но достаточно громко. Мужик услышал. Дернулся.

– Полночи заснуть не могли. У нас Ева куксилась, – словно об обыденном деле поведал Витольд.

– Сейчас и не скажешь! – улыбнулся Сергей, умильно глядя на племянницу, восседавшую на руках у отца. – Может, пора на третий заход? – осведомился он, ухмыляясь.

– Думаем, – осклабился Витольд. Они вышли на трибуну и по привычке направились вниз, ближе ко льду. Куда делся мужик, Стрельников не заметил. Он уже сказал все, что требуется. Мэри – его жена, руками не трогать!

Ото льда веяло холодом. Витольд с трудом натянул носки и кофту на нежнейшее создание, которое они породили с Мэри. Голубые глаза, белые локоны. Берегись, мужской люд! Одно слово, Ева!

Дочка отправилась гулять по пустым рядам и прыгать на ступеньках. Внизу на льду мальчишки готовились к разминке.

– Ты правда вернулся к Маше? – строго поинтересовался Сергей.

– Да, вчера. Ночевал уже на Суворовской.

– Она пустила тебя?

– В семью – да. К себе – нет, – скривился Витольд.

– Хорошо, хоть так! Как камень с души, – проговорил Сергей. – Наши знают?

– Родители? Понятия не имею! – хмыкнул Витольд, пожав плечами. – Хотя в нашей с тобой большой семье новости распространяются слишком быстро.

Сергей засмеялся.

Витольд посмотрел на дочку, которая все еще прыгала вверх и вниз. Долго это не продлится. Скоро ей это надоест, она замерзнет и придет к нему греться. Лучше поговорить до ее прихода, дабы маленькие ушки не дали потом повод язычку сболтнуть лишнее.

– Мэри спрашивала про Лиду, – сказал он тихо. Сергей напрягся.

– Что?

– Хочет разобраться в той истории.

– А ты?

– Я ведь могу рассказать только официальную версию, – пожал плечами Витольд.

– Я тоже, – недовольно хмыкнул Сережка и полез за сигаретами. Занервничал. Поняв, что курить в помещении нельзя, сунул пачку обратно в карман.

– Я вообще ничего не пойму, – пробурчал Витольд. – Откуда взялась эта тема? Неужели моя жена видится с этой дрянью?

– Навряд ли! Но я поинтересуюсь!

– Есть коны?

– Да, – самодовольно заявил Сергей. – Я специально плачу тетке в доме напротив Лидкиного. Та, если что, позвонит мне.

– Она видела Мэри? – насторожился Витольд. – Если видела, когда?

– Давно мне не звонила. Я сам вечером побеспокою.

– Если Чапай узнает, Мэри попадет. Интересно, а мамОля общается с Лидкой?

– Скорее всего, нет. Мама без ведома отца на улицу не выйдет. А поехать на другой конец города, даже с Никитой, без спросу не осмелится.

– Вот у кого нужно мастер-класс брать, как держать семью в строгости. Правда, сам Чапай никогда не гулял. Моногамный черт.

– Не смеши мои сандалии, – усмехнулся Сергей. – Но-
ра с ним разошлась из-за этого. Твой моногамный тесть та-
кие творил чудеса по всему городу Ленинграду! Это когда он
уже маму встретил, у него почти весь запал прошел. Тихий
и смирный стал. Правда, всех нас гонял, кроме твоей Мэри!

– Теперь я его понимаю, – удрученно заметил Витольд,
кивая на Еву, бежавшую к нему между кресел.

– Спасибо, что жену на работу устроил.

– Это не я, – усмехнулся Сергей.

– Тогда кто? – изумился Стрельников. – Она отказалась
от моих денег, представляешь?

Архипов пожал плечами, словно давая понять: а что ты
хотел, брат?

– Все гораздо хуже, чем я думал. Машка – кремень, дочка
Чапая! – гордо заявил он.

– Все мы его дети, в той или иной степени, – философски
заметил Витольд.

– Да! Но именно тебе придется обратно жену возвращать.
А это трудно. И тут я тебе не помощник. Ты мою сестру силь-
но обидел.

– Ты всегда с ней нянчился! – фыркнул Витольд.

– Я и сейчас это делаю, только она не знает, – буркнул
Сергей.

– Кстати, ты сегодня чего пришел в Арену? А, Серый? –
заинтересовавшись, прищурился Витольд.

– Мне Колька доложил, что тип один к моей Маше клинья

подбивает. Я и решил глянуть.

– Какой?

– Шел за нами по лестнице. Но ты же и сам знаешь.

– Да, Ленька сообщил.

– Мужская солидарность, – хмыкнул Сергей. – Почему в Барселону не поехал?

Витольд не стал отвечать.

Прибежала замерзшая Ева и уткнулась отцу в плечо. Витольд обнял хрупкое тельце, прижал к себе, прошептал на ушко:

– Ева, доченька, как же я люблю тебя!

– Я жнаю, – звонко заявила дочка и радостно чмокнула отца в щеку. Поцелуй вышел быстрый и слюнявый. У Витольда на глаза навернулись слезы.

Глава 5

– А чего ты гадаешь? – пробурчал Сергей, как только Ева отошла. – На Машкиной машине стоит gps. Можно отчет сделать и посмотреть, куда моя сестра катается.

– Даже не подозревал, что у нее машина таким девайсом оборудована.

– Это против угона. Самая угоняемая модель. Вот и поставили. В бардачке как таблетка приклеена. Сразу не отыщешь. Зато автомобиль найти можно.

– Мэри знает?

– Естественно, – передернул плечами Сергей. – Сейчас сформирую.

– У тебя есть доступ?

– Да, Машка сама дала. На всякий случай.

– Давай! Хочу понять, где находилась моя любимая вчера днем, – жестко велел Витольд.

Серый пощелкал пальцем по экрану смартфона. Закрутился зеленый диск. Витольд посмотрел на лед, где его сын уверенно перехватил шайбу у какого-то мальчишки.

– Тимофеев, как клюшку держишь? – завопил с тренерской лавки Загибин. – Это тебе не палка для слепых!

Витольд усмехнулся тренерской шутке и внимательно глянул на руки проезжавшего мимо мальчишки, неумело держащего в руках клюшку.

– Стрельников, – заорал тренер. – Веди шайбу! Нижнюю руку не сгибай. Сколько говорить можно!

Витольд залюбовался сыном, отрабатывающим технику бросков.

«Как и я когда-то», – подумал он печально и обернулся к Архипову. Сергей понажимал еще на кнопки и протянул мобильник.

– Смотри, машина четыре часа стояла на Театральной улице. Значит, Маша к Катерине в гости ездила...

– Ну да. К Катерине, – пробурчал Витольд, прикидывая в уме, что лучшая подружка Мэри живет в трех кварталах от центрального парка.

«Красивая комбинация, Мария Васильевна», – в сердцах подумал он и словно опомнился.

– А где Ева? Ты ее видишь, Серый?

Дочки нигде не наблюдалось. Витольд переполошился не на шутку.

– Куда она деться могла? – Он в замешательстве потер голову. – Бежим по арене, – предложил он Архипову и, не дожидаясь ответа, понесся по рядам направо. Сергей, тут же подскочив, побежал в противоположную сторону. Как когда-то на тренировках. Сколько они тут бегали по ступенькам? Вверх на одной ноге, а вниз на другой. Сколько раз Юрьич, их незабвенный тренер, заставлял наяривать круги между рядами? Но сейчас Витольд, насторожившись, словно дикий зверь на охоте, быстрым шагом обходил арену по пе-

риметру, высматривая свою ненаглядную дочку. Страх подкатывал к горлу, и затылок немел только от мысли, что если они с Серым встретятся снова, но так и не найдут Еву. Что он скажет Мэри? Как объяснит, что не уследил?

Сергея Архипова исчезновение племянницы не удивило. Где-то тут бродит несносная Ева! Нужно Маше выговор сделать. Девчонке только три года исполнилось, а уже такая своевольная. Он посмотрел вниз, где находился выход на лед для фигуристов, и увидел племянницу. Ева стояла рядом с тренером по фигурному катанию и что-то деловито расспрашивала. Сергей вгляделся в лицо удивленной женщины. Марина Супрун. Поклонница Витольда Стрельникова двадцатилетней давности. Только тогда волосы, собранные в высокий хвост, казались русыми, а фигура походила на песочные часы. Маринка почти не изменилась, только красилась в ужасный блонд и укладывала жуткую прическу.

– Привет, – улыбнулся Сергей Марине, быстро спускаясь вниз.

– Привет, Архипов, – кивнула она.

– Привет, Сесый! – радостно запрыгала Ева и бросилась на руки.

– Твоя? – удивилась Марина.

– Ага, племянница, – хмыкнул Сергей, подхватывая малышку. – Ева, ты почему одна так далеко ушла? – строго осведомился он и, не дожидаясь ответа, нажал кнопку быстрого дозвона.

– Вит, нашлось твое сокровище!

– Только не говори, что это дочка Стрельникова, – изумленно протянула Марина.

– Ага, его и моей сестры, – подтвердил Сергей.

– А-а-а, та самая Мэри Архипова... Великая любовь на все времена. Помню, он всегда говорил, только никто не верил.

– Та самая, Марин, – хмыкнул Витольд, подойдя почти вплотную к Архипову и забирая у него малышку.

– А я думала, что это сказка такая, – заметила Супрун. – Выдуманная невеста, чтобы девчонки не липли.

– Нет, – пожал плечами Витольд и добавил довольным: – Я давно женат на Сережкиной сестре.

Марина посмотрела на него с сомнением и рассмеялась.

– Твоя дочка сама пришла в фигуристки записываться.

Витольд удивленно уставился на свою своенравную дочь.

– А Леонид Стрельников, наша восходящая звезда? – уточнила Супрун.

– Мой сын, – весело заметил Витольд. – Только его гонять надо, не дорос еще до звезды.

– Тогда я поняла, кто твоя жена, – неуверенно пробормотала Маринка.

Витольд внутренне поморщился.

«Если сейчас еще она заявит, что видела Мэри с мужиком, я могу и не выдержать».

Он, решив поменять тему, усмехнулся, глядя на Еву.

– Хочешь красиво на льду кататься?

– Да! – кивнула дочка.

– Не боишься?

– Неть!

– Тогда осенью придем к Марине Андреевне, – пообещал он девочке и собрался уже попрощаться, как Марина оставила его.

– Вит, пожалуйста, помоги! – взмолилась она.

Он уже понял, о чем пойдет речь.

– У моей мамы онкология, а очередь в диспансере никак не дойдет. Ты же там вроде работаешь?

– На четверть ставки, – мотнул головой Витольд. – Я руковожу центром «Семейное здоровье» и пару раз в неделю оперирую в диспансере в сложных случаях. – Он молча опустил дочку на пол и полез в карман. Выудил портмоне, достал визитку.

– Вот телефоны, Марина. Позвони и привози маму. Только возьми историю болезни. Я помогу. Но давай лучше в понедельник после обеда. Во вторник я улечу в Барселону и вернусь только через неделю. А так уже закрутятся колесики, и мы не потеряем драгоценное время.

– Спасибо, – силясь не зареветь, закивала головой Марина. – Мы обязательно будем. – Чтобы скрыть волнение, Супрун наклонилась к Еве и, взяв ее за руку, поинтересовалась игриво: – Ты тоже едешь в Барселону?

– Басеону? – переспросила своенравная дочка и, дернув

отца за штанину, требовательно заявила: – Папа, Басеону!

Витольд собирался объяснить, что едет не гулять по столице басков, а в командировку, но внезапно его озарило.

«Замечательная идея!»

Он махнул на прощание Марине и, взяв Еву на руки, направился вслед за Сережкой к выходу.

– Басеону, – пробормотала дочка на ухо. – Мы поедем в Басеону?

– Да, котинька. – Витольд чмокнул малышку в висок.

– А мама? – уточнила Ева. – А Леня?

– Все вместе поедем, – заверил дочку Витольд.

Маша проснулась в детской и огляделась по сторонам. Тишина. Даже ни звука не слышно. Никто не ходит по квартире, не бежит сломя голову через все комнаты.

– Ленкина тренировка! Проспали! – в сердцах простонала она и скатилась с дивана. Вышла в свою спальню, прошла в комнату к сыну. Никого. Ни Лени, ни Евы. Маша выскочила на кухню, где, балдея от тишины и одиночества, Эльза смаковала кофе из маленькой чашечки.

– Где дети? – испуганно вскрикнула она.

– Виташа повез Ленечку на тренировку и Еву с собой взял, чтобы тебя не разбудить, – доложила золовка. – Садись завтракать, пока сырники теплые.

– Сейчас, – отмахнулась Маша и, влетев в спальню, набрала номер старшего брата.

– Сережка, прошу тебя, – взмолилась она, услышав бодрый голос.

– Не дрейфь, Машундра, – пробормотал Сергей. – Мы тут все вместе на Арене. Ева твоя решила в фигуристки податьсь. Вит договорился, чтобы с осени пошла.

– Сережка, проследи, чтобы он детей у меня не забрал, пожалуйста!

– Маша, не нагнетай. Все в порядке. Мы сейчас к нам на Майскую поедem. Давай ты тоже приходи! – велел брат и отключился.

Маша быстро вошла в джинсы и натянула голубую тунику, затем на кухне хлебнула сок и заела сырником. Направилась к выходу, но, словно вспомнив что-то в последний момент, заскочила в кабинет и полезла в сейф, встроенный в книжный шкаф. Она пересмотрела все содержимое, залезла в кошелек. Обругала себя последними словами и принялась искать снова.

– Что ты ищешь? – поинтересовалась Эльза, входя в комнату.

– Карту, – бросила Маша. – Куда Витольд перечисляет алименты.

– Зачем она тебе? – строго осведомилась Эльза.

– Нужна. Что за вопросы? Это моя карта.

– Я отдала ее Витольду, – резко заявила золовка. – Пусть проверит баланс и убедится, что мы не брали его деньги! – высокопарно выкрикнула она.

– Что? – не поняла Маша. – А кто тебе разрешил распоряжаться моими деньгами? Ты же понимаешь, что он, зная пароль, просто снимет их с карты? – всплеснула руками она.

– Ну и что? Он вернулся в семью! Какая разница?! – топнула ногой Эльза. – Зачем тебе эти деньги?

– Ты вправду так думаешь? – растерялась Маша, но, взяв себя в руки, холодно отрезала: – Придется заблокировать.

– Ты не сделаешь этого! – закричала Эльза. – Витольда могут арестовать!

Маша, ничего не ответив, выскочила на лестницу и резко хлопнула дверью.

Звонок сестры застал Витольда в машине. Тренировка закончилась, и Сергей попросил заскочить к Чапаю на Майскую.

– У него нарыв на ноге. Никак к врачам не можем отвезти, – пожаловался Архипов. – Ты хоть его напугай!

– А мне почему не позвонили? – в который раз задался вопросом Стрельников, поймав себя на неприятной мысли, что, похоже, его родственники не желали с ним общаться, а он сам не заметил этого.

– Мы поедem в Басиону, – напевала Ева. – Вместе с папой, вместе с мамой! Все-все-все!

– Что ты несешь, пиявка? – зашикал на сестру Леня.

– Это павда, – воскликнула Ева. – Папа сказал.

– Пап? – неуверенно начал сын. И Витольду самому захо-

телось закричать от досады.

«Это правда!»

– Пап, – повторил Леня. А Ева напряженно уставилась на отца.

– Да, поедem, – кивнул Витольд. – Только нужно уговорить маму.

Сын запрыгал на сиденье. А дочка радостно засмеялась. Стрельников почувствовал, как теплеет в груди, и в зеркало заднего вида улыбнулся детям.

Но тут позвонила Эльза. И своими рыданиями все испортила. Он даже сначала не понял, что она лопочет и почему его должны арестовать.

Когда наконец дошло, Витольд набрался терпения и принялся объяснять, как маленькой:

– Мы поступили с тобой нехорошо. Это карточка Мэри, ее деньги. Я верну и не стану смотреть баланс.

– Зачем ей столько денег? – сварливо прошипела сестра.

«Хороший вопрос, – сам себе заметил Витольд, попросившись. – Нужно поинтересоваться при случае. Плохо, что у нас с Мэри появились тайны. А доверие пропало».

* * *

– Мне кажется, слава о вас сильно преувеличена. Вам даже не под силу решить проблему с обычной домохозяйкой.

– Она все время на людях. Рядом дети или кавалеры...

– Не сочиняйте, всего лишь один, и тот в командировку умотал. Сегодня утром вам что помешало? По дороге на Арену?

– За рулем была не она.

– А кто же? Ребенок двенадцати лет или притрушенная родственница?

– Мужик. Я его знаю. С ним шутки плохи. У него кулаки с вашу голову.

– И кто же это?

– Витольд Стрельников. Наша местная знаменитость.

– А-а, это ее муж. Ничего страшного. Он долго рядом не пробудет. Дождитесь, когда уедет, и приступайте к выполнению заказа. Времени остается мало. Я даже помогу вам. Попробую узнать, куда она соберется одна, и позвоню. Только в этот раз не оплошайте.

– Не стоит учить меня жить. Чревато.

– Не надо угрожать. Вы же знаете, кто стоит за этим заказом?

– Только поэтому я связался с вами.

Глава 6

Он поднимался по мраморным ступеням просторного парадного. Дом, построенный еще в эпоху отца народов, знавал многое. Того же Витольда, мальчишкой чуть младше теперешнего Ленки, взбегавшего на третий этаж на одном дыхании. Стрельников помнил, как вместе с Архиповыми ездили выбирать квартиру и остановились на этой, в Майском переулке. Солнечной и большой. С окнами во двор и на улицу. Витольд словно увидел, как по казавшимся тогда огромным комнатам деловито бродит мама Оля в пальто с меховым воротником и затейливой фетровой шляпке и, уложив обе ладони на большой живот с Никитосом, спрашивает:

– Эта вроде лучше других, да, Еленочка?

И мама... Красивая и величавая, в золотом облаке рыжих волос, радостно кивает.

– Ты права, Оля, нужно брать именно эту квартиру.

Потом приезжает Чапай, и обе женщины наперебой рассказывают ему, что это жилье самое удачное и нужно поскорее ехать за ордером. Архипов слушает внимательно. Молча кивает, соглашаясь. Высокий насупленный лоб почти не видно из-под козырька фуражки, а широкая, словно бычья, шея спрятана под шинелью и мундиром.

А Витольд с Сережкой носятся по комнатам, галдят и толкаются. И пробегая мимо женщин, Сергей слегка задевает

мать, и тут же на весь дом слышится командный глас Чапая:
– А ну-ка, пацаны!

Стрельникову тогда показалось, что на минуту затих весь дом. И только мама с мамОлей зашушукались и рассмеялись.

– Теперь все жильцы будут знать, что здесь полковник поселился!

Чапай, тяжело припадая на правую ногу, встретил блудного зятя настороженно. Он перецеловал внуков, разрешил Еве взъерошить остатки волос на голове, а затем, отправив детей к бабушке, повернул насупленный лик в сторону Витольда.

– Каким... ветром тебя к нам из Парижу занесло? – осведомился угрюмо.

– Это я попросил ногу твою посмотреть, – встрял Сережка и тут же доложил по инстанции: – Если гора не идет к Магомету...

– Если этот Магомет еще раз пойдет к другой горе, то может больше вообще на глаза не попадаться, – пробормотал тесть и, глядя Витольду прямо в глаза, добавил: – Уяснил?

– Бать, да я... – начал было Стрельников, но Чапай остановил его.

– Молчать, – рыкнул он и, откашлявшись, пробурчал: – Ты нам не чужой. Вырос на наших глазах. И сам знаешь, мы бы абы кому Марью в жены не отдали. Ты же уверял нас с Ольгой, что только одну нашу дочку любишь. А оказалось... Пустая брехня!

– Бать... – снова попробовал вставить хоть слово Витольд.

– Разговоры. Команды открывать рот не было. Я не стану сейчас вмешиваться. Хотя сам не понимаю, чего она не развелась с тобой и жила на Суворовской. Ждала тебя, небось, идиотка. Но еще раз напортачишь, пеняй на себя, понял?

– Да, бать, понял, – опустил голову Витольд и повернулся на звук открываемой двери. МамОля, бледная и настороженная, тихо вступила в комнату.

– А я думала, дети сочиняют, – прошептала она, изумленно глядя на Витольда. Он наклонился к ней, намереваясь поцеловать в щеку по давней привычке, но в этот момент тонкая рука птицей взметнулась в воздухе и упала ему на лицо крепкой пощечиной.

– Это тебе за мою Машу, – в сердцах бросила она.

– Ну что за рукоприкладство, – фыркнул довольный Чапай. – Сережка Витольда привел мою ногу посмотреть, а ты врача лупишь, не пускаешь к больному.

– Все вы, мужики, одним миром мазаны, – бросила Ольга и поспешила к Еве, прыгающей в спальне на кровати.

– Что-то слишком бледная мамОля, – тихо заметил Витольд. – Нужно анализы сдать.

– Как мы без тебя два года прожили, ума не приложу, – осадил тесть. – Она ходит в поликлинику, лечат ее там. Если уж тебе так приспичило, смотри ногу и убирайся. Дел полно! Только ни в какую больницу я не поеду.

И задрав брючину тренировочных штанов, показал багро-

вый нарыв на икре. Витольд присел на корточки рядом, потрогал кожу вокруг.

– Ну и чего скажете, профессор? – ехидно осведомился тесть.

– Хороший большой абсцесс, батя, – отрапортовал Витольд и велел хмуро: – Срочно оперировать!

– Дома режь!

– Где? На кухне? Или в туалете? – ощерился Стрельников. – Собирайтесь, Василий Иванович. Я сейчас велю операционную готовить.

– Велит он, – недовольно пробурчал Чапай. – А меня ты спросил?

Витольд даже оторопел на минуту. Абсцесс вскрыть и тут не проблема. Но хотелось провести выходные с семьей. Увезти их в старый дом в Кирпичниках. Не позволить Мэри сорваться с крючка. Стрельников помнил о нелюбви Чапая к докторам, поэтому так грозно и заявил о больнице. Слава богу, что за два года ничего не изменилось. Витольд до конца не мог поверить в такую удачу. Тесть, как всегда, наотрез отказался ехать в стационар. Зять вполуха слушал его доводы, уже зная, что предпримет. Кушетка и яркая лампа в кабинете вполне сойдут за операционную. Внутренне ликуя, он увидел маленькую светелку в мансарде, так любимую Мэри, и даже услышал стон жены. Только бы не сорвалось!

– Поехали в клинику, – взялся за свое Витольд.

– Даже не упрашивай, – отрезал Чапай. – Начнут твои ко-

новалы тыкать иголками во все места, пока не околею. Лучше дома мне вскрой этот чиряк. И все. За неделю заживет.

– Во-первых, – устало начал Стрельников, надеясь на победу. Уговорить тестя и так безнадежное занятие, а тут еще боязнь больниц примешивается. И полное пренебрежение медициной, как наукой. Коновалы! Надо же до такого додуматься! – У меня с собой инструментов нет. Во-вторых, тут оперировать негде. Поехали ко мне на работу. Частная клиника. К вам там со вниманием отнесутся.

– Сказал, что не поеду, – проскрежетал тесть. – Хочешь вскрыть гнойник, дома разрешаю, а в твою клинику ни ногой.

– А в Кирпичники, бать? – нехотя осведомился Витольд, стараясь не показать своей заинтересованности. По длинному коридору носилась Ева с гиканьем: «Мы едем в Басиону!» Стрельников счел за благо действовать быстро, пока не пришла Мэри. – У меня там процедурная оборудована.

– С дурами займитесь процедурами... – пробурчал тесть. – Не знаю, – протянул он. – Далеко это. Здесь давай!

– Нет, – отрезал Витольд, включая опцию «главный врач». – Или в Кирпичники сегодня, или завтра с утра тебя на скорой в больницу доставят. Выбирай!

– Ладно, уговорил, – нахмурился Чапай.

– С ночевкой, – взял быка за рога Стрельников. – Придется перевязку раз в три дня делать.

– Хорошо, – скривился старший Архипов и громко позвал

жену: – Оля, собери вещи!

МамОля вошла в комнату и, не обращая на вопли супруга никакого внимания, тревожно осведомилась у Витольда:

– Виташа, а дети разве с тобой в Испанию едут? Маша ничего не говорила.

– У меня на симпозиуме только один доклад. Времени свободного предостаточно. Хочу Мэри предложить поехать вместе.

– У нее работа, Вит, – хмыкнул Сергей, хранивший до этого момента молчание и нейтралитет.

– Ну и что, как работа? – удивилась мамОля. – Разве отпуск не положен? Когда еще она выберется? Нужно спросить, может, Владик ее отпустит?

– Какой еще Владик? – поперхнулся Витольд, лихорадочно припоминая имя кавалера, частенько провожавшего Мэри из школы до дома.

– Школьный женишок, – хохотнул Чапай. – Спасибо ему, он Маруську к себе на работу взял.

– Можно подумать, была необходимость, – прорычал Стрельников. – Я каждый месяц ей деньги на карту переводил, чтобы ни в чем не нуждались.

– Это вы сами разбирайтесь, кто в чем нуждается, – отмахнулся тесть. – Машка у нас гордая. А тебе, видать, запросто досталась, что ты решил об нее ноги вытереть. Я посмотрю, как ты ее обратно вернешь...

Витольд собрался уже что-то ответить, но в этот момент

в замке повернулся ключ.

– Мамочка пришла! – заверещала Ева и, обхватив мать за ноги тоненькими ручонками, радостно прокричала: – Мы едем в Басиону!

Мэри заглянула в комнату отца. Нашла взглядом непутевого мужа и громко прошептала:

– Совсем чокнулся, Витольд Александрович?

– Я так и зна-а-ал! – взвыл рядом Ленька и разочарованно зыркнул на отца.

– Мэри, – попросил Витольд, – полетели во вторник в Барсу. Можем снять виллу на первой линии. Ты с детьми отдохнешь, а я поработаю.

Маше хотелось закричать, что она представляет, как он там работает, но пришлось сдержаться.

– Билеты на вторник уже, наверное, распроданы, – с сомнением заметила она.

– Я найду, – фыркнул Витольд. – А пока едем в Кирпичники. Я отцу там нарыв вскрою, а тебе придется мне ассистировать.

– Почему именно я? – удивилась Маша.

– При тебе пациент не станет капризничать, – отрезал Стрельников, полоснув строгим взглядом. – Завтра вернемся. Поехали, пока Чапай не передумал.

Маша в изумлении уставилась на мужа. Потом перевела взгляд на отца, неожиданно притихшего. Чапай хмуро следил за дочкой и зятем, пытаясь воспользоваться моментом и

отказаться от операции.

«Плохи дела, – внутренне поморщилась Маша. – Тут с Витольдом не поспоришь».

– Поехали, пап, – весело предложила она. – Баженовым позвоним. Придут тебя развлекать.

Маша с нарастающим ужасом наблюдала, как ее родственники, словно кролики, загипнотизированные удавом, рассаживаются по машинам. К Сергею села мать, а потом с помощью сына и зятя взгромоздился отец, а к ней в машину забрался сам Витольд.

– Мы едем в Басиону! – запела Ева.

– Замолчи, пиявка! – зло оборвал ее Ленька. – Никуда мы не едем. – Он отвернулся к окну, смагивая слезы. Витольд, повернувшись вполоборота, видел, как горе застит лицо сына.

– Мы еще не решили, Лень, – протянул Стрельников. – Я думаю, мама согласится.

«Прекрасно, – раздраженно подумала Маша. – Папочка хороший, в Барселону деток хочет повезти, а мать-злыдня против».

– А поехали! – милостиво согласилась она, точно зная, что ко вторнику акция «отец года» закончится. – Только у меня есть несколько условий! – Маша ткнула в мужа указательным пальцем и снова обратила внимание на дорогу.

– Как скажешь, любовь моя. – Витольд от избытка чувств уткнулся носом в ее плечо. И тут же получил локтем по зу-

бам.

– Не лезь, Стрельников, – отрезала грозная Мэри.

Она уверенно свернула на дорогу к поселку, где когда-то давно жили бабка и дед Витольда, и куда после гибели мужа вернулась с детьми свекровь, Елена Витольдовна. Родовым гнездом Стрельниковых считался крепкий дом дореволюционной постройки с широким крыльцом и бетонными шарами по бокам. Маша помнила рассказы, что когда вернулись из Уссолья, обе семьи, Стрельниковы и Архиповы, жили в этом самом доме, и никому тесно не было. Сейчас же стараниями мужа домовладение в Кирпичниках расширилось за счет прилегающих участков, потом укрепляли фундамент и надстраивали второй этаж и мансарду. Пристраивали веранду и баньку. Получилась целая усадьба, только вишневый сад вокруг разбить не удалось. Маша любила Кирпичники и в первые годы брака они тут и жили с Витольдом. И даже сейчас, несмотря на разрыв с мужем, она частенько брала детей и в отсутствие Стрельникова приезжала погостить к Агате. У ее детей в поселке имелись друзья, с которыми играл в футбол Ленька, и даже Ева обзавелась подружками.

– Мама, я хочу пиццы, – протянул сын.

– Дома закажем, – отмахнулась Маша.

– А можно шашлыки пожарить, – как ни в чем не бывало предложил Витольд.

Маша поморщилась.

«Просто сумасшедший талант любую ситуацию поворачи-

вать себе на пользу, – мысленно усмехнулась она и махнула на все рукой. – Шашлыки, Барселона, совместное проживание на Суворовской. Все, что угодно, Витольд Александрович, но только без меня».

Она всмотрелась в зеркало заднего вида и заметила, как в соседней машине, идущей почти вплотную, машет руками отец и что-то кричит брат.

Она задержала взгляд всего лишь на долю секунды, но это не осталось незамеченным.

– Что там? – лениво поинтересовался муж. Наглец и бабник.

– Наверное, папа с Сережкой обсуждают твое второе пришествие. Им просто слов не хватает от счастья!

– Мэри, – хрипло заметил Витольд. – У тебя начал портиться характер.

Маше очень хотелось ответить, что вольному воля и вообще скатертью дорожка. И послать мужа куда подальше, но сзади с напряженными мордашками за ней наблюдали дети. И если Ленька только прислушивался к перепалке родителей, то губки Евы уже поползли вниз, а глаза наполнились слезами.

– Ева, – ласково позвала Маша, глядя на дочь в зеркало заднего вида. – Пойдем вечером лошадок смотреть. Агата рассказывала, что у Любки, рыжей кобылы, родился жеребенок. И еле стоит на тоненьких ножках. Представляешь?

– Да! – взвизгнула дочка. – Лошадки! Папа, ты пойдешь

с нами?

– Конечно, котенька, – тут же заверил Витольд.

– А ты, Леня?

– Пойду, пиявка, – пробурчал старший брат и принялся уточнять: – Только я хочу еще покататься на Громе. Папа, а ты точно с нами пойдешь?

«Дети словно с ума посходили от радости. Папа-папа! – въезжая в поселок, раздраженно подумала Маша. – Лечи их, води на тренировки, отдавай им всю себя, не спи ночами, а как только на горизонте замаячит „папочка“, так оба бегут сломя голову. А мама лишь бы находилась рядом».

Она затормозила рядом со знакомой калиткой.

– Заезжай в гараж, Мэри, – велел Витольд, щелкая пультом.

Маша, наблюдая, как разъезжаются по сторонам кованые створки ворот, мотнула головой.

– Я боюсь, – призналась она. – Плохо чувствую габариты.

– Не бойся, я подскажу, – предложил муж. – Бери чуть правее.

Когда автомобиль уже стоял в гараже, Витольд наклонился к жене и медленно провел пальцем по щеке.

– Ты хорошо водишь машину, солнышко, – прошептал ласково. Маша вздрогнула от неожиданности. Или все-таки сказались два года монашества? Она негодуя воззрилась на мужа.

– Что и требовалось доказать, Мэри, – довольно хмыкнул

Стрельников, выходя из машины.

Глава 7

Операция закончилась. Маша с примесью ужаса и отвращения наблюдала, как Витольд вычищает рану от гноя. Легко и виртуозно. Лампа у нее в руках задрожала лишь на секунду, и тут же послышался грозный окрик мужа:

– Мэри!

«Как хорошо, что я не врач», – с немалой долей облегчения подумала она, когда Стрельников наложил повязку на тонкий шов и надел сверху трубчатый бинт.

– Теперь нужно поспать, батя, – ласково велел он тестю, помогая подняться с кушетки и перелечь на кровать.

– Можно было и дома сделать, а не тащиться в такую даль, – пробурчал тесть, но, словно одумавшись, добавил: – Спасибо, Виташа. – Маша заметила, как отец крепко сжал руку зятя чуть ниже локтя.

– Выздоровливай, Чапай! Ты нам нужен живой и здоровый, – улыбаясь, попросил Стрельников.

– Обязательно, – заверил Архипов. – Мне еще нужно вам задницы надрать. Взрослые люди, а ведете себя как дети малые. Ни мозгов, ни страха.

Витольд хмыкнул, понимая, что это отповедь по его душу, и, услышав, как завибрировал в джинсах телефон, быстро выскочил из процедурной. Сбежал.

Маша, как настоящая санитарка, собрала весь мусор в па-

кет и направилась к выходу. Но прежде чем уйти, потянулась к отцу, намереваясь чмокнуть его в щеку.

Чапай раздраженно отмахнулся.

– Я с тобой еще поговорю, – устало пригрозил он своей любимице.

Маша, даже не подумав узнать, чем прогневала родителей, высоко подняла голову и вышла. Она спустилась по ступенькам и остановилась на лестничной площадке, увидев, как муж большими шагами меряет гостиную.

«Лучше подождать, пока Витольд поговорит по телефону и уйдет куда-нибудь», – решила Маша. Слышать его разговоры с подружками не хотелось, оставаться в комнате один на один тоже. Маша заметила, как дорогой супруг мечется по гостиной и раздраженно отвечает кому-то. Она сделала шаг назад и снова оказалась на лестнице, ведущей в процедурную.

– Зла не хватает, – услышала она недовольный голос отца. – Если бы не ты!

– Если бы не ты, мы бы не попали в такую дурацкую ситуацию, – огрызнулась мать.

– Если б не я, – лениво заметил отец, – уже бы и забыли, что ты, такая хорошая, жила на белом свете.

– Спас, молодец, – вскинулась мать. – Но даже не знаю, что лучше- гнить в сырой земле или до самой старости терпеть твои выходки?

– Что ты там такое терпишь? – огрызнулся отец. – Всю

жизнь на всем готовом прожила.

Маша, поморщившись от очередной ссоры родителей, решила вернуться и попросить не ругаться. Но мать, тяжело вздохнув, добавила:

– Лиду твою терплю!

– О ней уже лет тринадцать ни слуху, ни духу, – фыркнул отец.

– Сам факт, Вася, – прошипела мать. – Постоянно на глазах. И сейчас Маша с ней общаться стала. Спасибо, Виташа сказал.

Последняя фраза покорила. Лучше уйти, а не подслушивать. Но Маша не могла сдвинуться с места.

– Если эта дрянь убьет Машу, мне точно не жить.

– Что ты несешь? – взвился отец. – Как убьет?

– Зарежет, как Марка! – вскрикнула мать и зарыдала. – Это все ты виноват!

– Не я, а мамаша. Это ей взбрело в голову после Люсиной гибели забрать Лиду к себе.

– А что делать оставалось? – сварливо вскинулась мать. – В детдом сдать? Дочь полковника Архипова живет в детском доме? При живом отце?

Мать снова зарыдала.

– За Машу боюсь.

– Перестань, Ольга, – тихо попросил отец. – Ну, иди сюда. Что придумала, голова с ушами?

На миг все стихло, и только Маша собралась покинуть

укрытие, найти детей, выйти на солнышко, как в гостиную вернулся Витольд и, увидев через дверной проем жену, застывшую на ступеньках с мусором в руках, изумленно вытаращился.

«Что?» – молча кивнул ей.

«Тихо!» – она приложила палец к губам, все еще не в силах сдвинуться с места.

Муж бесшумно подошел почти вплотную и прижал Машу к себе.

– Ты чего, Мэри? – прошептал на ухо.

– Я старалась стать ей матерью, – бросила в сердцах Ольга. – Но Лида сама плохо шла на контакт и такая мстительная...

– Вся в мать, – заверил Чапай. – Ладно, не дрейфь. Прорвемся, Олюшка. Маше объяснить нужно.

– Как? – вскипела мать. – Что ты ей скажешь? Знаешь, Машенька, твой папа... он у нас гулял похлеще Витольда. И с поварихой прижил девочку. Лидочку.

– Так вот и объяснишь, – пробурчал отец. – И уговори с мужем поласковой быть. Все-таки двое детей. Родной отец всегда лучше чужого мужика.

Маша аккуратно высвободилась из объятий Витольда и опрометью бросилась через большую комнату, залитую солнечным светом, поднялась по другой лестнице к себе в светелку. Кинулась на кровать. Следом без стука вошел муж. Уселся рядом, участливо погладил по спине.

– Никогда бы не подумал, что Лидка от поварихи.

– Молчи, я тебя умоляю! – не оборачиваясь, вскрикнула Маша, закрыв глаза ладонями. – Мне хватает твоих похождений. И если мама простила отца, то я не намерена! Еще неизвестно, кого ты там обилетил и сколько потом объявится родственников!

– Да никого я не обилечивал. Это просто... – дернулся от обиды Витольд, стараясь подобрать слова.

– Как у Тинто Брасса, «веселое траханье»? – прошипела Маша. – Нет! Не понимаю этого! – закричала она. – У меня голова идет кругом.

– Давай попробуем начать по новой, Мэри. – Витольд улегся рядом и провел ладонью по Машиному плечу. – Пожалуйста! Я прошу тебя.

– Не знаю, Вит! Я ничего не знаю, – запричитала она, усевшись на кровати и обхватив голову руками. – Пока мне приходится прилагать усилия, чтобы спокойно разговаривать с тобой. Не торопи меня...

На тумбочке зазвонил ее сотовый, и Маша, увидев входящий, подскочила с кровати и вышла в ванную. Но прежде чем захлопнулась дверь, Витольд услышал хриплый мужской голос.

– Ну наконец-то! Я уже пятый раз звоню тебе.

В ответ до него долетели какие-то междометия. Даже за закрытой дверью жена опасалась свободно болтать с ухажем. Витольд почувствовал, как свирепеет от досады. Еще

минута, и он за себя не отвечает. Он подскочил с кровати, сунул руки в карманы широких спортивных штанов. И, еле сдерживаясь, чтобы не высадить дверь, сжал кулаки и посмотрел в окно. Очень хотелось разбить что-нибудь от накатившей ярости.

«Прилагает она усилия!»

Внизу на площадке Вадим разводил огонь в мангале, а Ленка с планшетом валялся на качелях, лениво одной ногой изредка отталкиваясь от земли.

«Ева где? – мысленно насторожился Витольд. – Может, с Агатой на кухне?» Но в этот момент послышался топот детских ножек на лестнице, и в комнату влетела дочка.

– Мама? – Большие голубые глаза вопрошая уставились на Витольда.

– В туалете, – кивнул он на дверь, решив, что Ева просто дождется, когда выйдет Мэри.

Но девочка бросилась к деревянной двери и затарабанила по ней кулачками.

– Мама! Мама!

Маша, отворив дверь, появилась на пороге. Она обняла дочку, зарывшись носом ей в волосы. Опустила глаза. Даже с такого расстояния Витольд заметил слезы в глазах жены.

Ева обхватила мать одной рукой за шею, а другой по-хозяйски потянула вверх майку.

Витольд не сразу понял, что затевает малышка. Но Мэри догадалась.

– Не сейчас, Ева, – строго наказала она дочери, убирая маленькие ручки и опуская задранную тунику. – Мы с тобой договорились, помнишь?

– Хочу. – Дочка обеими ладошками постучала по материнской груди, а потом положила голову.

Витольд поймал себя на мысли, что больше всего на свете желает оказаться на месте собственного ребенка.

– Тогда пошли спать, а к лошадкам – в другой раз.

Дочка с сомнением посмотрела на мать, перевела взгляд на отца, потом снова сосредоточилась на груди Мэри и сделала выбор.

– Лошадки, – решила Ева, заглядывая в глаза матери, а потом поворачиваясь к отцу. – Хочу к лошадкам.

– Пойдем, котенька, – тут же согласился Витольд и шагнул к дочке, опустился рядом на корточки. – Зови Леню.

Ева, радостно вереща, понеслась вниз к брату. А Мэри улыбнулась через силу.

– Сейчас деда разбудит, – недовольно поморщился Витольд. – Потом крику не оберешься.

– Он не спит, – хмыкнула жена и раздраженно заметила: – Наверное, в памяти всех своих баб перебирает. Интересно, а Лида знает?

– Мне наплевать. Давай поговорим о нас. Я вернулся на-совсем и больше на дам повода, – мрачно заверил Витольд. – Не гони меня, как собаку. Хочу жить с тобой и детьми.

– Не дави, пожалуйста. Слишком много сейчас навали-

лось.

– Ты всегда можешь рассчитывать на меня, – хрипло добавил он, замечая круги под глазами и потухший взор.

– Я подумаю, – слабо покачала головой Маша и уже собралась выходить, как Витольд остановил ее.

– Подожди. – Он протянул ей карту «Виза»: – Забери, Эльза погорячилась.

– Ах, это, – небрежно бросила Мэри и сунула карту в сумочку.

Витольд катался с дочкой по кругу на гнедой кобылке Мелиссе и уже который раз мысленно возвращался к пресловутой карте. Какая сумма там скопилась? Он начал переводить деньги Мэри, почти сразу же как вернулся из Парижа и понял, что Мэри настроена решительно. Но рядом ластилась разбитная Инна. Ночные клубы, рестораны и модные тусовки. Надо же все попробовать! Живем только раз! И он пустился во все тяжкие. Из джентльменского набора секс-наркотики-рок-н-ролл он не жаловал только наркоту. Витольд напряг память, вспоминая, когда именно начался в его жизни молодежный период. Почти два года назад. Двадцать два месяца. Умножаем на семьдесят тысяч рублей ежемесячных добровольных алиментов. За это время, если Мэри не тратила ничего, должно скопиться чуть больше полутора миллионов.

«Внушает!» – мысленно поразился Витольд.

Он посмотрел на жену, одиноко стоявшую около изгороди. Русые волосы Мэри колыхались на легком ветерке.

– Мама! – закричала Ева. И Витольд заметил, как жена словно отряхнулась от тяжких мыслей и радостно помахала.

«Что ее беспокоит? Явно не мое возвращение. Что все-таки происходит? – снова поинтересовался сам у себя Витольд. – Нужно от жены поганой метлой всех мужиков гнать. И выяснить подробности о Лидке. Какого черта ей понадобилась младшая сестра?! Увезу в Барселону. Потом охрану приставлю. Вовремя вернулся, а то, случись что с женой, никогда бы на эту суку не подумал. Выпала из головы, да и из жизни тоже. А если Лидка права и никого не убивала, кто тогда пришел Марка? И как это топорное расследование отразится на Мэри? Глупейшая затея. Только Лидка может подставить близких людей в угоду своим глупеньким целям».

Маша наблюдала, как по зеленому полю, усыпанному одуванчиками, медленно вышагивает Мелисса, неся на себе крупного мужчину и маленькую девочку. Притихшая Ева горделиво вытягивала шею и радостно гладила лошадь по гриве. Большой ладонью отец обхватывал дочку, прижимая к себе. Маша вспомнила, как в возрасте Евы эти же сильные руки подхватывали ее и кружили, вспомнила, как с этих ладоней хохоча прыгала в воду.

«Витольд, чтоб тебя! – выругалась про себя Маша. – Идеальный для всех, кроме меня. Единственный и неповтори-

мый. Всю жизнь рядом. Обещавший вечную любовь и отбросивший в сторону, как ненужную вещь. Почему ты так поступил, Вит?»

Она перевела взгляд на небо, где на голубую гладь надвигалась большая черная туча. На душе стало горько и тревожно.

– Мама! Мама! – закричала радостная Ева и замахала руками. Маша повела ладонью и улыбнулась дочери, а подняв глаза, наткнулась на довольную улыбку мужа и взгляд победителя.

«Как же все просто. Вернулся, признался в любви и попросил не выгонять. Еще и браслет подарил. Пообещал свозить в Барселону. И все возвратилось на круги своя, как так и надо. Может быть... Но не со мной».

Витольд подъехал к изгороди.

– Еще кужок! – потребовала Ева.

Пришлось согласиться. Он чувствовал тепло маленького тельца, прижавшегося к нему, радость и счастье Евы били через край и передавались всем окружающим. Даже Мэри, застывшая около изгороди, освободилась от тяжких дум и улыбалась дочери. Мелисса брела по кругу и в какой-то момент повернулась спиной к изгороди, Витольд посмотрел на дальний луг, где белого мерина водили на длинной корде. В седле восседал Ленька, напряженно держась за уздечку.

«Хорошо, что мерин уже старый, не взбрыкнет, – про себя отметил Витольд. – Животные чувствуют страх и норовят

одержать верх».

Мелисса, пройдя полкруга, повернула, и Витольд увидел, что теперь жена разговаривает с каким-то мужиком. Тот что-то рассказывал, возбужденно жестикулируя. А Мэри весело щебетала, явно польщенная вниманием собеседника.

«Номер три, – отметил про себя Стрельников. – Не похож на „паркового“ и „стадионного“. И на Владика тоже не похож».

Пятками он слегка сжал бока Мелиссы, и та перешла на более быстрый шаг. Ева взвизгнула и зашлась смехом. Витольд остановил лошадь прямо около жены и передал ей дочь.

Малышка принялась тут же делиться впечатлениями. Она явно не испугалась стоявшего рядом человека. Значит, знает, видит не в первый раз. Стрельников выпрыгнул из седла и лукаво поинтересовался:

– Может, сама прокатишься, Мэри?

– Я боюсь, – пробурчала жена.

– Попробуйте, Машенька, – влез придурок, стоявший рядом. Обычный худощавый мужичок в камуфляже, с жидкими патлами, собранными в хвост. – Мелисса у нас лошадка добрая.

– Спасибо, отец Петр, – улынулась Мэри. – Но что-то не хочется.

«Священник, твою мать! – сам на себя разозлился Стрельников. – Что-то я совсем с катушек слетел. Скоро к каждому столбу ревновать начну. Эх, Мэри, запорошила ты мне моз-

ги!»

Он спускался с пригорка, неся на руках Еву, и наблюдал, как впереди быстрым шагом идут Мэри и Ленька. И сын что-то рассказывает матери. Наверняка делится впечатлениями о катании на лошадях.

«Моя семья, – с нежностью подумал Витольд, глядя на ладную фигуру жены в обтягивающих бедра джинсах и полупрозрачной тунике, на волосы, закрученные в пучок, потом перевел взгляд на сына, заметил острые коленки, видневшиеся из-под синих шорт, державшихся только на бедрах. – Дай бог сил любить их всегда. И защищать! Что нужно сделать, чтобы Мэри меня простила?»

Витольд поднял глаза на золотые купола храма, мимо которого шествовала семья, и поразился простоте решения. Мэри, бесхитростная девочка, сама дала ему карты в руки.

«Как же все просто! – хмыкнул он про себя. – Нужно помочь ей в этой истории с Лидой. Дать какую-нибудь информацию, нанять детектива. И рука на пульсе в этой дурацкой истории, и жена в постели. Легче легкого!»

Он почувствовал, как на плечо легла голова Евы.

– Спишь, котенька? – пробормотал он на ушко дочери. Та сонно пробубнила в ответ. Витольд остановился посреди улицы и привычным движением переложил ребенка на руки. В этот момент Мэри обернулась и поспешила к мужу. Она поправила дочке волосы и легонько клюнула в макушечку, случайно дотронувшись до руки Витольда.

Первое добровольное прикосновение!

Стрельников быстро, пока жена не отошла от него, прошептал:

– Давай вечером поговорим о Лиде. Если она не виновата, это меняет дело.

– Только не обмани, – хмыкнула Маша и направилась к сыну.

Глава 8

Уже стемнело. На веранде горел свет, и в пустых оконных проемах вертелись спиральки от комаров. Да и невысокие садовые фонари слабо освещали дорожку. Витольд чувствовал, как будто после бурь и шторма оказался на родном берегу. Вновь ощутил себя мальчишкой, когда за твоей спиной есть старшие и мудрые люди, способные выручить в любой ситуации. Но став взрослым, он сам обидел их. А они, как и прежде, подставили плечи и распахнули жилетки, чтобы его Мэри смогла выплакаться. Он перевел взгляд на жену, сидевшую на другом конце стола и внимательно слушавшую Сказочника – дядю Колю Баженова, бывшего когда-то у Чапая начальником контрразведки, а теперь жившего в Кирпичниках на соседней улице. Хмурое морщинистое лицо, словно щетка, ежик седых усов и глаза, умные, оценивающие, мгновенно считывающие всю подноготную, будто сканеры. Сказочник хитро улыбался и что-то втолковывал его жене, а Мэри не перебивала, а только кивала головой. Старик лукаво глянул на свою любимицу и, клюнув ее в щеку, поднялся, сжимая в руке маленькую рюмку водки.

– У меня тост, – пробурчал он, пристально глядя на Витольда. – Я хочу выпить за Машу. Она у нас как свет в окошке. Никогда никому грубого слова не скажет. Тихушница, каких поискать. Там, где Майя залепит по морде, а Эльза рас-

плачется, Маруська одной фразой поставит на место. Ты, девочка, как трава на ветру, как бы тебя не гнул злой ветер, ты не сломаешься. Делай так, как тебе подсказывает не совесть, а душа. Не слушай чужих уговоров, поступай, как сама считаешь нужным.

Витольд еле сдержался. Вместо того, чтобы встать на его сторону, Сказочник, по сути дела, предоставил Мэри карт-бланш. Он со злостью опрокинул в рот рюмку виски и заявил грозно:

– Мэри – моя жена!

– Ты себе наколку на лбу сделай, – едко хмыкнул Баженов. – И каждое утро, когда бреешься, перечитывай, пока не запомнишь!

– Перестань, Вит, – вмешалась Агата. – Маша много горя перенесла, пока ты проституток в Париж возил!

– Кто такие паситутки? – подняла голову задремавшая около мамОли Ева. – Бабушка, кто такие паситутки? – осведомилась она громко.

– Это, – крикнул Чапай, строго зыркнув на Агату, – воровки такие. Они воруют... – Тесть замешкался.

– Огулцы? – пришла Ева на помощь деду.

– Ну да, огурцы, – с облегчением выдохнул Чапай и уже серьезно заметил: – Хватит вам! Витольд, конечно, натворил дел, но решать только Маше. Он такой же член семьи, как любой из вас. А что там у них в койке происходит...

– С мамочкой сплю я! – заявила Ева и, выскользнув из

бабкиных рук, под столом пролезла к Агате.

– Ласскажи мне о паситутках? – попросила она нежным голосом.

Под сумрачные взгляды окружающих Агата нехотя про-
бормотала:

– Это такие тетки нехорошие, папа твой их всех вывез,
чтобы тут ни одной не осталось.

– Отец-герой, – раздраженно хмыкнул Сергей.

Витольд решительно встал и подошел к жене.

– Что бы ни случилось, я не переставал любить тебя, Мэ-
ри! Прости все мои выходки, если сможешь. – Он не риск-
нул при всех целовать жену, эта «трава на ветру» может и
по лицу заехать, а лишь нежно и бережно коснулся губами
ладони.

– Я люблю тебя, Витольд, – тихо призналась Маша. – Вот
только второй день не знаю, что с этой любовью делать. То
ли выкорчевать ее с корнем, то ли еще раз поверить тебе.
Первое – больно, второе – глупо! Пока двери открыты и на
вход, и на выход. Не торопи меня, пожалуйста!

Стрельников сгреб жену в охапку и пробормотал чуть
слышно:

– Я сам никуда не уйду и тебя не отпущу, слышишь?

– Слышу, – прошелестела одними губами Маша и, вы-
свободившись из рук мужа, громко добавила: – Давайте чай
пить!

Расходились за полночь. После признания Витольда и от-

ветного Мэри напряжение спало. Долго вспоминали Уссо-
лье, какие-то смешные случаи и старших Стрельниковых.
Витольд скосил глаза на жену. Мэри сидела на плетеном ро-
танговом диване, закутавшись в плед, и держала на коленях
спящую Еву. Рядом валялся Ленька. Взрослый сын тоже под-
лез под маменькин бок и задремал. Одной рукой жена держа-
ла заснувшую с открытым ртом дочку, а другой слегка глади-
ла по спине Леньку. Будущая звезда хоккея, примостившись
рядышком, млел от этих поглаживаний. Витольд задержал
взгляд на лице жены. Спокойном и расслабленном. Мэри по-
вернулась к нему, улыбаясь. Гордая независимая женщина,
а не юная наивная девочка. Много воды утекло за два года,
и влюбленная малышка превратилась в знающую себе цену
красавицу.

«Только из-за детей она не развелась со мной, – внезапно
обожгла мысль. – И только благодаря детям позволила вер-
нуться в семью».

– Может, отнести Еву наверх? – прошептал он.

Мэри покачала головой.

– Давай мне ее, – предложила мамОля. – Нам уже давно
спать пора.

Она глянула на Чапая, спорившего со Сказочником по по-
воду Карибского кризиса, и, перехватив внучку покрепче,
ушла в дом.

Следом поплелся сонный Ленька.

Витольд собрался было сесть к жене, обнять, поправить

плед, прошептать на ушко что-то ласковое, как рядом с Мэри оказалась Майя. Стрельников увидел, как подружка детства крепко сжала кисть его жены и что-то прошептала заговорщицки. Выходит, и Майка на стороне Мэри, хотя она одна из немногих, с кем в течение этих двух лет общался Витольд. Она и сестры. Сильно же закрутила его веселая жизнь, что он не заметил, как от него отвернулся клан! Хорошенькое дело! Стрельников попытался вспомнить, когда сам звонил Сказочнику, оказалось, на Новый год. Прошлый. И то Николай Иванович моментально с ним попрощался. Чапай? Так отец Мэри через Вадима попросил не беспокоить. А остальные?

«Нет, ну сам-то хорош, – мысленно ударил себя по лбу Витольд. – На него обиделись все близкие люди, а он не придал этому значения. Не понял ничего. Ну и кто он после этого?»

Стрельников снова посмотрел на жену. Мэри что-то с улыбкой рассказывала Майе, рисовала пальцем по воздуху странные знаки. И опять Майка сжимала руку жены на запястье.

«Что за ерунда?» – раздраженно подумал Витольд и перевел взгляд на Сергея, сидевшего неподалеку. Старый друг, вытянув ноги, втихаря цедил виски и зачарованно смотрел на Майю.

«Ничего не меняется, – хмыкнул про себя Стрельников. – И где Серый весь день пропадал? Вроде, когда Чапая ногу чистили, друга детства рядом не наблюдалось. А как с конной фермы пришли, они вместе с Майкой уже на стол на-

крывали. Неужели до сих пор любовь крутят? Опять попала искра на сухой хворост».

Витольд поймал себя на мысли, что так хорошо и душевно он давно не проводил время. Нет нужды перед кем-то выпячиваться, показывать, что ты из себя представляешь. И никому не нужен крутой парень, а только ты сам. Этим людям нет смысла пускать пыль в глаза. Они все о тебе знают с самого твоего рождения. Какой большой был пупок, и как к нему приклеивали пятак, как у мамы не хватало молока и частенько Виташку кормила мамОля, как вместе с Сережкой они пошли в первый класс. В одинаковых серых костюмчиках и с одинаковыми стрижками, когда коротко выбрит затылок, а впереди топорщится кургузая челочка. Эти люди знают о нем самом больше, чем он сам. Так отчего же он променял их, настоящих, на одноразовых пластмассовых кукол? Дурак!

За горестными мыслями Витольд не заметил, как начали убирать со стола, и Сергей поплелся провожать Майю и Сказочника.

– Ты дверь пока не запирай, – велел Стрельников старшей сестре, указывая на выходящего со двора Сергея.

– Он к утру вернется, – недовольно хмыкнула Агата и отрезала, как маленькому: – Иди спать, Виташа.

Чапай, тяжело припадая на ногу, взвалил ладонь на плечо дочери.

– Помоги мне дойти, Машенька.

Даже простая просьба тестя воспринималась окружающими как приказ. И Маша, аккуратно ступая рядом, повела отца в гостевую спальню на первом этаже.

— А ты отправляйся в библиотеку, — заявила сестра. — Там тебе удобнее будет.

— Я с Мэри, — насупился Витольд.

Агата одарила его торжествующим взглядом и добавила ласково:

— Как пожелаешь!

Долго ждать жену не пришлось. Мэри, улыбаясь, вошла в светелку и уставилась в недоумении.

— Ты что в моей комнате делаешь? — воскликнула она удивленно и тут же осеклась. Видимо, вспомнила, как тринадцать лет назад он вот так же пробрался к ней, и они целовались до самого рассвета, а утром объявили родственникам о своем решении пожениться. Здесь, в светелке, на этой самой кровати, они зачали Леньку, а потом через девять лет Еву. Витольд вспомнил, как причесывал жене на ночь волосы и, дурачась, заплетал косы. Оказалось, что это самое главное, а не количество баб, прошедших через твою постель.

— Ты в душ? — поинтересовался он, намереваясь пропустить ее первой.

— Я после конюшни купалась, — устало отмахнулась она. — Поспать бы.

— А мне казалось, ты хочешь поговорить о Лиде, — хмыкнул он.

– Стрельников, отвали. Пока только спать. Иди в библиотеку. Я попросила Агату там тебе постелить.

– Обойдешься, – пробурчал он и лег рядом. Полез обниматься. Жарко зашептал на ухо:

– Мэри... Мэричка... Прости меня!

Его язык уже раздвигал ее губы и вторгался внутрь. И Мэри, о боги! Мэри ответила взаимностью. Она прижималась вплотную к мужу и словно не могла насытиться этим поцелуем и объятиями. Витольд обхватил ее двумя руками, не смея отпустить от себя. Когда поцелуй закончился, он зарылся жене в волосы и пробормотал:

– Я хочу тебя, Мэри!

Жена охнула и снова полезла целоваться, одновременно запрокинув ногу на его бедро.

– Мэри, солнышко, я долго не выдержу, – прошептал Витольд.

Она мотнула головой и снова прижалась к нему.

Стрельников, улучив момент, попытался снять с нее пижамную майку на тонких бретельках. Но в ту же секунду, когда осталось лишь сдернуть с жены ненавистную тряпку, на деревянной лестнице послышался шум, и в комнату ворвалась заплаканная Ева.

– Мама! Мама!

– Иди сюда, любовь моя, – Мэри, приподнявшись с кровати, протянула руки дочери. – Иди ко мне.

Ева, рыдая, по-хозяйски плюхнулась на постель и потяну-

ла вниз майку матери.

– Все хорошо, – прошептала жена, целуя в висок дочку. Та горько всхлипнула, что-то пробормотала, и Витольд услышал громкое причмокивание.

Ему самому стало до слез обидно. Слишком завелся – и тут такой облом. Но потом, нехстати вспомнив торжествующий взгляд сестры и желание Мэри поспать хоть немножко, Витольд догадался, что такие вот приходы Евы – обычное явление. И всем об этом известно. Кроме него!

И Мэри, гадкая девчонка, точно знала, что скоро в спальню ворвется дочка, и специально его раздраконила. Он придвинулся к ней и, приподнявшись на локте, осторожно взглянул на лицо жены, лежащей к нему спиной. Мэри задремала, и лишь только довольная улыбка жены сообщила Витольду о его правоте. Он хотел уже откатиться в сторону и попробовать уснуть на другой половине кровати, как Ева встрепенулась и, открыв глаза, уставилась на него. Потом выплюнула изо рта крупный розовый сосок и громко заявила:

– Папа-кака!

– Тихо, котенька, тихо! – Витольд погладил дочку по голове и прошептал проснувшейся Мэри:

– Ложитесь посередине кровати, а то она упадет.

Он долго лежал на самом краю без сна, раздумывая, как поступить дальше. Наевшись и успокоившись, Ева долго крутилась по кровати, пока не оказалась рядом с отцом. Мама сквозь сон слышала дочкину возню. Уже до утра не уго-

монится. Прощай, сон. Смежив веки, она наблюдала, как Ева катается по постели. Сейчас еще чуть-чуть, и начнет прыгать. Но в тот момент, когда малышка решила встать, крепкая рука отца притянула к себе неугомонное чадо. Витольд уложил дочку себе на грудь и тихо велел:

– А ну-ка, спать.

Дочка повздыхала, поохала, погладила отца по лицу маленькими ручками и вскоре затихла. По ровному дыханию Маша поняла, что задремал и сам Витольд.

Утром он проснулся поздно. Жена и дочка не стали его будить, а уже давно ушли вниз. Он перекатился на середину кровати и, раскинув ноги и руки, потянулся.

«Хорошо-то как! Еще с полчаса полежу и встану. Все равно спешить некуда!»

Стрельников перевернулся на живот и уткнулся носом в подушку, сохранившую запах жены. Что-то нежное и цитрусовое. Он закрыл глаза, снова вспоминая, как несколько часов назад целовался с Мэри. Пока не ворвалась дочка. Нужно что-то делать с этим грудным вскармливанием. Даже ВОЗ советует до двух лет. Он подумал о шелковистой коже жены и уже собрался разработать план, как заманить Мэри в койку, когда на лестнице снова слышались торопливые шаги.

«Не дом, а проходной двор», – выругался про себя Стрельников и на всякий случай повернулся к двери.

В комнату вбежал Ленька.

– Пап, там к тебе мочалка приехала! – запыхавшись, со-

общил он. – Та, что ворует огурцы!

Витольд подскочил как ошпаренный.

– Какая?

– Блондинка, – скривился сын и тут же заметил удивленно: – А у тебя их что, несколько?

Стрельников отмахнулся, натягивая штаны.

– Где она? – бросил порывисто. – Где эта гостья?

– На веранде с дедушкой разговаривает!

– А мама?

– С Евой за молоком пошла. На коров смотреть.

– Слава богу, – выдохнул Витольд и бросился вниз.

Внизу родственники встретили его как зачумленного, и каждый счел нужным поморщиться и отвести взгляд. Лишь один Вадим попытался оправдаться:

– Ей Ольга калитку через домофон открыла. Не поняла, кто это. Полинка во двор вошла и на веранде на Чапая на-
ткнулась.

Витольду захотелось проломить стену, желательно головой.

«Дебил! Недоумок!» – честил он себя, несясь к веранде. И остановился как вкопанный.

В полуоткрытую дверь хорошо просматривалось большое светлое помещение с распахнутыми настежь окнами. Ветер трепал белые прозрачные занавески. Сам Чапай в тренировочных штанах и майке восседал на диване, вытянув вперед больную ногу. А рядом, застыв как статуя, стояла Полина Бе-

лова.

– Так вы по вызову работаете? – слишком вежливо уточнил Чапай.

– Мне нужен Витольд Александрович, – попыталась объяснить Полина.

– Да откуда ж я знаю, где он! – вздохнул Чапай и участливо поинтересовался: – Это он вас вызвал?

– Не-е-ет, – промямлила Полина. – Я сама приехала. Мне нужно с ним поговорить...

– В любой профессии клиентами разбрасываться – последнее дело. Может, осчастливите нас с другом? Вон там, за сарайчиком. Я сейчас Кольке позвоню. За пару косарей, а?

Полина стояла, переминаясь с ноги на ногу, не зная, то ли убежать поскорее, то ли двинуться в дом и позвать Витольда.

Утром затея ей показалась удачной. Она слушала весь вечер пятницы и полдня субботы сетования Инны, брошенной Витом в аэропорту. Приходилось подыскивать слова утешения и втайне надеяться, что самонадеянный и взбалмошный шеф наконец-то определился в ее пользу. Полина ждала звонка. А в воскресенье утром решилась. Она смутно помнила, куда ехать, но Инна дала ориентиры. Поселок Кирпичники, улица Добрая, а сам дом старый, с двумя мансардами. Вот и приехала!

Только вместо красавца-шефа на веранде восседал какой-то крепкий старик и, сально улыбаясь, делал мерзкие намеки.

«Сторож, видимо, – решила про себя Полина. – Все Стрельникову расскажу». Она уже собралась дать деру, как заметила идущих по дорожке мужчин. Крепкого парня и хмурого старика. Вгляделась близорукими глазами.

– А вон и Колька идет, – махнул в сторону товарища гадкий дедок и снова принялся за свое. – Договорились, лапушка, да?

– Что? – возмутилась Полина.

– За сарайчиком, за пару косарей. Мне и Кольке. – Потом он добродушно оглядел поднимавшегося по ступенькам старпера, перевел взор на идущего следом заспанного красавца, и велел грубо:

– Сынок, выведи мадам за калитку!

Парень поморщился, сумрачно глянул вглубь дома в распахнутую дверь и мотнул головой:

– Пошли, прекрасная незнакомка. Тут приказы не обсуждаются, – лениво пробурчал он. – И давай без скандала. Витольд к тебе не выйдет.

– А где он? – поинтересовалась Полина, не обратив внимания, что хмурый красавец уже ведет ее к выходу.

– Да мы с ним вместе с телками развлекались. Он еще там спит.

– Мне поговорить с ним нужно. Срочно. По работе.

– Завтра поговорите, – хмыкнул мужчина. Полина всмотрелась в широкие плечи, глянула на помятое лицо. Мужик явно кого-то напоминал.

– А вы Витольду кем приходитесь? – осведомилась она игриво. – Жаль, что Вит нас не познакомил раньше.

– Я-то? – Мужик потер репу, поморщился. – Брат он мне. – Он повернул голову налево, и Полина, сделав то же самое, увидела, как вдалеке, сверху по улице, спускается молодая женщина с девочкой. Сопровождающий резко застоял и перевел взгляд направо. Там по тротуару в шортах и белой майке лихо бежала какая-то кошелка лет сорока. Полина отошла в сторону, пропуская бегунью, чтобы все-таки выпытать, где и с кем сейчас Витольд. Надо же знать, с какой напастью они с Инной столкнулись.

Но великовозрастная спортсменка остановилась рядом и фыркнула противно:

– Ты еще до дома не успел дойти, а уже склеил какую-то стерлядь!

– Прости, милая! – хмыкнул мужик. – Это к Витольду телка притащилась.

– К моему Витащечке? – грозно поинтересовалась тетка.

– А ты сама кто такая? – встряла Полина. – Он у тебя?

– У меня, – кивнула «спортсменка» и, заметив приближающихся людей, грозно добавила: – Вали отсюда! И чтобы я тебя больше никогда здесь не видела.

Полина решила пойти ва-банк.

– Ты, дура старая, все равно он мой! – вскрикнула она и замахнулась сумкой.

– Ой, – поморщился красавец. – Это вы зря! – И отошел

в сторону.

А тетка, разозлившись, перехватила сумку и, вцепившись Полине в волосы, подтянула к машине.

– Вали, пока я добрая!

Полина попыталась вывернуться.

– Что ты себе позволяешь? – Она вырвалась и снова замахнулась сумкой. – Я тебе покажу!

Женщина сделала шаг назад, будто отступая.

– Милая, нет! – вскрикнул красавчик, точно зная, что сейчас последует. Но Майя уже не слышала его. Она приподняла согнутую в колене ногу, а затем, закрутив тело в сторону удара, резко выпрямила ее. Удар пришелся Полине в плечо.

– Классный маваша гери, любовь моя, – похвалил красавец, подхватывая падающую девицу. – Майка, не стоило так.

– Она первая начала! – огрызнулась тетка и направилась к калитке. Дверь отворилась, и мерзкая баба тут же столкнулась с Витольдом.

– Доброе утро, любовь моя! – протянула жеманно и поцеловала в щеку.

– Привет, детка. – Стрельников, обняв старую каракатицу, перевел удивленный надменный взгляд на Полину.

– Доброе утро, Полина Игоревна. Какими судьбами? Что-то случилось в клинике? – строго и отстраненно поинтересовался он.

– Не-е-ет, – проблеяла Белова. – Я просто мимо ехала и встретила знакомого. Остановилась поболтать.

– Счастливого пути, – официально кивнул Витольд, обнимая тетку.

Полине пришлось сесть в машину и дать по газам. Нестерпимо болело плечо.

«Я тебе покажу, сволочь», – зло пообещала Белова наглой дамочке.

Глава 9

Проводив раздраженным взглядом машину бывшей любовницы, Витольд наблюдал, как к нему бежит дочь, а следом спешит Мэри.

– Их у тебя две, что ли? – пренебрежительно поинтересовался Сергей. – Один белый, другой серый? Два веселых гуся?

– Ну ты даешь, Вит, – горько прошептала Майя, собираясь стукнуть по ребрам старого друга. – Кобель хренов.

– Майя, нет, – поморщился Стрельников. – К моей печени только что Чапай приложился. Достаточно!

– Что здесь произошло? – настороженно осведомилась Маша. – Что за женщина приезжала?

– Сережкина бывшая телка права качала. Ну я и проучила немного, – хмыкнула Майя. – Хороший маваши гери, как отворотное средство. Больше лезть не будет!

– Точно Сережина? – Маша растерянно посмотрела на мужа, потом на брата.

– Да, Машка, я ее бросил давно, а она все никак не отстанет! – моментально заверил Сергей.

– Папа, папа! А мы каовку видели и гусей! – закричала Ева и попыталась тут же залезть к отцу на руки.

– Иди ко мне, котенька, – поморщился от боли Стрельников, когда дочка, забираясь, ногой задела правый бок.

– Что? – обеспокоилась Маша, догадавшись: – Тебя папа ударил?

Витольд передал дочку Сергею и попросил угрюмо:

– Идите в дом, Серый. Мы сейчас.

Когда за братом и Майей закрылась калитка, Маша вопрошающе уставилась на мужа.

– Что случилось?

– Фирменный удар Чапая. Но не ругай отца. Это наше мужское дело. Я заслужил.

– Не буду, – согласилась она слишком быстро.

«Странная ситуация, – подумала Маша. – Вот эта вульгарная деваха, одетая как „воровка огурцов“, приезжала к Сергею. И Майя приревновала... За что же Стрельников получил от отца? Неужели Чапай не сдержался? Хотя я просила и он обещал...»

Она всмотрелась в лица родных. Сердитые и понурые. Мама украдкой промокнула заплаканные глаза, Агата деланно отвернулась к мойке и нарочито медленно принялась мыть посуду. Даже сын и тот воззрился исподлобья. На отца.

«И от меня взгляд отводит, – отметила про себя Маша. – Что же произошло?» – мысленно поинтересовалась у самой себя. Но решила ни о чем не спрашивать. «Соврут – не дорого возьмут. А потом скажут, что для моей же пользы».

Ложь... Бесконечное вранье во благо... Она почувствовала, как ее начинает сотрясать крупная дрожь. Захотелось остаться одной и, закутавшись в толстый плед, отрешиться

от неотвязных мыслей о муже.

Витольд, развалившись в кресле, наблюдал, как на дорожке Майя учит Леньку правильному замаху, показывая удар ступней в грудь, в шею или в лоб. Рядом пристроилась Ева и тоже старательно задирала ноги. Майя подхватила ее, закружила в воздухе.

– Ты – наше солнышко, – громко рассмеялась она, прижимая малышку к груди.

«Только наши с Мэри дети – продолжение рода. Больше ни у кого нет, и не предвидится. Майка – сухое дерево, никогда не даст поросли. Сережка – однолюб, влюблен в нее с молодости. Агата с Эльзой уже давно в тираж вышли. Остался один Никита. И Лида... твою мать».

Он вгляделся в хмурые лица старших Архиповых. Как там укорила мамОля?

– Ты сильно разочаровал меня, Виташа, – прошептала она грустно и отвернулась, чтобы дочка не увидела ее слезы. Хотя весь спектакль прошел на ура. Мэри вроде ничего не заподозрила. А Майя, бросив на него испепеляющий взгляд, пригрозила:

– Еще раз увижу, снова пяткой ко лбу приложусь!

– Тебя закроют на пятнадцать суток, – встрял Сергей, поморщившись.

– Не-а, – хмыкнула Майка. – Муж вытащит. Или ты?

Сергей выскочил из-за стола.

– Ты хоть до пенсии определись, слышишь? – рыкнул он

и сбежал по ступенькам во двор, прошел в сад, закурил.

Витольду хотелось закричать. Сколько лет длится эта свистопляска? И почему в свои двадцать пять Майя выбрала мужчину в два раза старше нее, а не вышла замуж за любящего ее Сережку? Деньги и власть решили судьбу влюбленных.

– Не зыркай на меня, – насупилась Майя. – Сам хорош! – Она подскочила и под настороженные взгляды собравшихся понеслась за Сергеем.

– Это моя жена все твердила, что раз Сережка красивый, гулять станет, а он, вишь, однолюбом оказался, – пробубнил Сказочник.

Витольд перевел взгляд на мамОлю, она встрепенулась было, но Чапай просто похлопал ее по руке и раздраженно заметил:

– Я посмотрю, как Майка замечется, когда Сергей в другую влюбится. Скажи ей, Коля, пусть разводится с Валеркой и за Серегу замуж выходит. А то не по-людски как-то!

Витольд подумал, что ничего не меняется, и любые посиделки заканчиваются именно на этом разговоре.

– Вот сам и скажи, раз такой умный, – хмыкнул Сказочник. – И замуж ее никто не зовет. Твоего сына и так все устраивает.

– Твою дочь тоже.

Стрельников собирался встать на защиту старого друга и объяснить дяде Коле, что Сережка мучается такой неопреде-

ленностью. А все равно, как осел на веревочке, идет за Майкой. Но стоило ему только открыть рот, как рядом кто-то подергал за брючину.

– Папа, я хочу писать! – заявила Ева. К ней тотчас же бросилась Агата с горшком, засуетилась мамОля. Витольд обвел глазами террасу и вскинулся удивленно:

– А где Мэри?

Никто не знал, куда запропастилась его жена. Вот же только была рядом. Или нет? Со двора не выходила. Чапай позвал громко, но младшая любимая дочка так и не отозвалась.

Истошно заверещала Ева. Витольд краем глаза успел заметить недетский испуг в глазах сына. Он рванул наверх, в светелку. Никого. Потом пронесся мимо столпившихся родственников, ахающих и причитающих над рыдающей малышкой.

– Ева, а ну-ка, прекрати, – оборвал он дочкин плач. – Я сейчас найду маму, слышишь?

– Леня, – крикнул он сыну. – Пробеги по всем комнатам, не стой столбом!

А сам рванул в пристройку, где располагалась сауна. Даже с порога Стрельников почувствовал нарастающий жар. Ручки на дверях слегка обожгли пальцы. Он бросился в парную, где, распластавшись на лавке, неподвижно лежала Мэри. От такой жары сердце может остановиться запросто.

Витольд заскочил в парилку. Горячий воздух обжег дыхание, золотая цепь, болтавшаяся на шее, мгновенно нагрелась

и защищала кожу. Стрельников, подхватив на руки жену, кинулся к дубовой бочке, привешенной под потолком, рванул толстый шнур, окатывая ледяной водой себя и Мэри. Она забрыкалась в его руках и, вывернувшись, набросилась на него с кулаками.

– Тебя кто просил обливать меня ледяной водой? Что за выходки?

– Ты заснула в сауне, – недовольно пробурчал Витольд и зло добавил: – Или хотела свести счеты с жизнью таким способом? На глазах у родни?

– Не надейся, Стрельников! Из-за тебя я точно руки не наложу. У меня дети, мне их поднять надо!

– Это и мои дети тоже, – зло вскинулся Витольд. – И я не позволю тебе так поступить с ними.

– Мама, – издали позвал Леня.

– Все нормально, сынок, – тут же заверил сына Витольд. – Мама немножко перепарилась. Сейчас мы тут посидим недолго и вернемся.

– Я в порядке, Ленечка, – прошелестела одними губами Мэри перепуганному сыну. Она, укутавшись в махровую простыню, свернулась клубочком на кожаном диване.

– Дурак ты, Вит, – поморщилась Маша. – И выводы из очевидных вещей делаешь идиотские. Я люблю подолгу лежать в парилке. Это расслабляет. И что бы ты там себе не напридумывал, мне дороги мои близкие. Никогда так не поступлю, не предам детей, не убью родителей подобной вы-

ходкой. Я не ты, чтобы топтать чужие чувства ради собственного облегчения. Зачем ты вернулся? Что затеял?

– Испугался, что могу вас потерять, – признался Витольд, в мокрых штанах и майке усаживаясь рядом с женой. – У меня что-то оборвалось внутри, когда я понял, что оказался у черты. Дальше нельзя!

– Ты давно заступил за эту черту, – тихо пробормотала Маша. – Боюсь, у нас с тобой ничего не получится. Вот приехала сегодня какая-то девушка к Сережке, а я подозреваю, что к тебе. И все тебя покрывают, чтобы меня не расстраивать. Так жить страшно. Ты задержишься на работе, а я вся изведусь, думая, что ты у любовницы. У тебя телефон сядет, а мне всякие страшилки в голову полезут. Где ты и с кем? Не сможем мы начать все заново, не получится у нас.

– Но ты же любишь меня, вчера сама говорила, – опешил от отповеди жены Витольд.

– Люблю, – согласилась Маша. – Как брата. Но если нет доверия, то и любовь уходит.

– Придется мне втереться к тебе в доверие, – хмыкнул Стрельников, схватив жену за руку. Приложил пальцы и глянул на часы. – Пульс чуть ниже нормы. Нужно давление померить.

– Спасибо, профессор, – едко заметила Маша. – Диагноз «усталость» я могу поставить без ваших манипуляций.

– Отдыхать нужно больше, а ты еще на работу устроилась. Характер показываешь.

– Нет, – усмехнулась Маша. – Просто мне работа нужна, чтобы саму себя уважать.

– Получается? – улыбнулся он ласково.

– Да, – легко заверила она. – И самое главное, другие люди видят во мне личность, а не приложение к детям.

– Я никогда так не считал, Мэри. И делал все, чтобы ты с детьми ни в чем не нуждалась.

– Материально да, но как быть с чувствами, Вит? За эти два года мне тысячу раз хотелось, чтобы ты вернулся...

– А сейчас?

– Уже нет. Все отболело. Рана затягивается, так стоит ли заново ее беречь? Мы с тобой по сути родные люди. Просто любовь ушла. Бывает и так. Нужно расстаться по-хорошему, чтобы потом могли спокойно сидеть за одним столом.

– Как же ушла? – вскинулся он. – Ты же вчера говорила.

– Обманула, – передернула плечами жена.

– Мне кажется, врешь ты сейчас, – пробормотал Витольд и добавил упрямо. – Дай мне шанс.

– Я не вижу смысла. Прости, пожалуйста. Как говорит папа, нечего мучить скотину.

– Я прошу тебя...

– Что конкретно ты просишь, Витольд? – тяжело вздохнула Мэри, поднимаясь с кресла. Она словно королева в мантии, прошла в парную, волоча за собой мокрую махровую простыню. Дала понять: аудиенция окончена.

Витольд подскочил, прошел следом, встал в ногах, возвы-

шаяся над ней, головой чуть ли не упираясь в деревянный потолок. Завернувшись в простыню поплотнее, Маша глянула на мужа, прищурившись.

– Выйди, пожалуйста, я хочу немного полежать.

– Мне нужно обсохнуть, – пробормотал он. – И я тебе не мешаю.

– Я нигде не могу остаться одна. Даже в сауне... – пожаловалась она. Не ему, а просто вслух.

– Откуда такая потребность в одиночестве? – фыркнул Витольд, сдирая с себя майку.

– Ты сегодня хорошо спал? – устало осведомилась жена, стараясь не смотреть на голый торс.

– Не очень, – честно признался Стрельников.

– А у меня такой сон два года. Ева страшно боится, что ее могут бросить. Со временем пройдет, но пока тяжело.

– Нужно отлучать от груди и давать успокоительное.

– Гений медицины! – сев на лавке, воздела руки к потолку Маша. – По-твоему, грудное молоко вредно, а таблетки нет? Мы справимся. Она уже может оставаться без меня ночью несколько часов. А там, глядишь, все наладится. Только, будь добр, не мучай меня. Живи как жил. Девочки, работа, конференции...

– Мэри, пожалуйста...

– Я устала, Вит. Мне сил хватает только на детей и работу. Ты думаешь, почему я с Суворовской не переехала? Тебя ждала? Нет. Просто там мне спокойней, чем на Майском у

родителей. Не нужно выполнять папины команды и подстраиваться под его образ жизни. Мне так спокойней, – повторила она. – И с тобой то же самое. Я не хочу растрачивать душевное здоровье на твои шашни. Давай разведемся. Пожалуйста!

– Дай мне шанс, – прохрипел Витольд. – Один-единственный. Ради нашей любви, ради детей.

Маша посмотрела внимательно на мужа, стоявшего рядом в мятых брюках и с голым торсом. Занятное зрелище.

– Эта девица к тебе приезжала или к брату? – строго переспросила Мэри.

– Ко мне, – зло фыркнул Стрельников. – Только я не звал ее. Но тебя больше никто не беспокоит.

– Все врут. Постоянно врут, – прошептала Маша, закрывая лицо ладонями. – Как можно жить в круговороте сплошной лжи? Мама, отец... ну и ты, конечно!

Витольд рухнул перед ней на колени, начал укачивать, будто маленькую.

– Прости меня, мое сердечко, – прошептал нежно.

Маша почувствовала, как ее словно ударили током. Именно так звал ее муж лет с шестнадцати и до того момента, когда получил от официанта счет в ресторане.

– Не называй меня так. И перестань лапать. Я же просила тебя держать дистанцию.

Она подскочила на ноги и выскочила в душевую.

– Посушись еще немного, – буркнула, хлопнув дверью.

Витольд усмехнулся, забавляясь поведением жены.

«Нужно немного сбавить натиск, а то сбежит. Улетит на зонтике, – сам себя предостерег Стрельников,» – Он вспомнил, как Сережка с Никиткой дразнили младшую сестру, называя ее Мэри Поппинс, а Машка, которой тогда только-только исполнилось пятнадцать, окинула старших братьев снисходительным взглядом и весело заявила.

– Тогда вы тоже Поппинсы!

Снова что-то щелкнуло в груди, когда Витольд будто со стороны увидел, как смеясь, подбежал тогда к Мэри и радостно чмокнул в щеку. Словно младшую сестру. И тут же ощутил совсем другую реакцию, совершенно далекую от братских чувств. Память услужливо преподнесла зимний по-нурый вид из окна, около которого Стрельников застыл на несколько минут, приходя в себя. А еще мамин смеющийся голос, как галлюцинация пронесшийся в голове.

– Не сестра она тебе, Витольд. Ох не сестра!

Стрельников вздрогнул, словно очнулся. Одежда высохла, шум воды в душе прекратился. Витольд вышел из парной и искал глазами жену.

Завернувшись в банный халат, Мэри сидела в кресле, снова свернувшись клубочком.

Он навис над ней, словно и не слышал вовсе ее рассуждений о разводе.

– Я не могу тебя потерять, мое сердечко, – прошептал, склонившись над ней.

– Ты как не слышишь, что я тебе пытаюсь втолковать, – попыталась отодвинуться Маша, поморщившись от досады.

– Ага, до меня туго доходит, – осклабился Витольд и добавил серьезно и нежно. – Давай отнесу тебя в спальню. Пспишь немного.

– Шутишь, что ли? А Ева? – отмахнулась Маша.

– Пойду с ней гулять. А ты отдохни.

Маша задумалась на минутку. Предложение показалось заманчивым. А главное, никакого подвоха.

– Куда вы пойдете? – неохотно уточнила она, прижимая руки к груди.

– Да хоть к озеру. Спрошу Майку, может, она собак возьмет, прогуляемся все вместе.

– Ева любит Баженовских шпицев, – слабо улыбнулась Маша. – Называет их лисичками.

– Мерзкие псины, терпеть их не могу, – поморщился муж. – Ладно, хватит болтать. Пошли, провожу в светелку.

– Сама дойду, – пробурчала Маша.

– Ну нет, – фыркнул Витольд. – От тебя нужно отогнать нашу дочь.

Маша уснула, как только голова коснулась подушки. Она не слышала, как в комнату заходила мать, трогала лоб и качала головой, потом заглядывала Агата. Она спала и во сне видела красочные карты, появившиеся из ниоткуда и кружившиеся в воздухе.

На фоне огромного солнца шли дети, влюбленные обни-

мали друг друга, и нарядная колесница увозила вдаль пассажиров.

Солнце. Влюбленные. Колесница. Хорошие карты, предсказывающие удачу. Вот только кому?

Ему удалось перехватить Еву на лестнице. Дочка опрометью неслась наверх.

Маленькие ножки топали по ступенькам. Тонкий хвостик, завязанный на макушке, прыгал в такт движению.

– Папа! – возмутилась она, когда Витольд загородил ей дорогу. – Пусти!

Он подхватил ее на руки и понес вниз.

– Не вздумай реветь, – сурово предупредил он. – Иначе не пойдешь на озеро с лисичками.

Начавшие опускаться вниз губы тотчас изогнулись в улыбке.

– Собаськи, – согласилась Ева, обнимая отца за шею. – Подалишь такую?

«Хитрая манипуляторша!» – мысленно усмехнулся Витольд, еле удержавшись от соблазна пообещать Еве собаку. Мэри не простит ему это.

Он спустился вниз и прошел на террасу, где народ и не думал расходиться. Нашел взглядом Сережку, глянул на Майю.

– Пошли к озеру погуляем, пока Мэри спит, – предложил он друзьям. МамОля с Агатой всполошились.

– Как спит? Почему?

– Устала, – недовольно бросил Витольд и повернулся к сыну. – Леня, ты с нами?

– Не хочу, – скорчил рожицу сын, вытянувшись на диване. – Мне и тут хорошо.

Витольду казалось, что время остановилось или повернуло вспять. Ничего не поменялось. Опять, как двадцать лет назад, он бродил с друзьями по берегу. Босые ноги утопали в песке, а штанины подвернутых белых брюк плотно облегали ноги. Ева с тремя рыжими собаками бегала по кругу. Как когда-то и они с Сережкой на этом самом месте играли в футбол.

Майя оглянулась по сторонам.

– Все лавки заняты.

– Постоим, – бросил Серый и настороженно добавил: – Так что там с Лидой?

– Не знаю, – поморщился Витольд. – Мы больше об этой дряни не разговаривали.

– Почему Маша ни разу не спросила меня? – пробормотала Майя.

– Палишься, Баженова, – хмыкнул Сергей. – У тебя алиби. Ты за день до этого в Сочи к жениху уехала. Забыла?

– Такое забудешь! – недовольно хмыкнула Майя. – Неслись как бешеные.

– Я вот до сих пор думаю, не уедь ты тогда к Гурьянову, не выйди за него замуж...

– Хватит, – одернул Витольд. – Вечно все к своим шаш-

ням сводите. Я собираюсь пересказать Мэри официальную версию с некоторыми подробностями.

– Хочешь про наркоту добавить? Чапай запретил, – настоятельно предупредил Сергей.

– Папе тоже это не понравится, – добавила Майя.

– У меня нет другого выхода, – отмахнулся Витольд, пнув ногой песчаный холмик. – Важно, чтобы моя жена перестала ворошить кучу старого навоза. Это опасно.

– Чем? – хохотнул Сергей. – Она и так в курсе, что наша сестрица убила собственного мужа.

– Известный факт, – удрученно добавила Майя. – Но, Вит, не вижу ничего страшного. Чем так опасны подробности?

– Лидка уверяет, что не убивала Марка. И если это так, то кто тогда? – Засунул руки в карманы, он слегка покачивался, перенося вес с пятки на носок. Нагретый песок слегка обжигал ступни.

– Да никто! Никого рядом не было! – вскрикнула Майя. – Я последняя видела брата за полчаса до смерти. Он никого не ждал. Принял дозу и веселился. В другой комнате Лидка спала после очередного выхода в астрал. Ты вспомни, как он страшился, что за ним придут. Посторонних даже на порог не пускал. И жили они с Лидой обособленно. Кто к ним мог зайти запросто и убить? Кто?!

– Остаемся только мы, – пробурчал Сергей.

– Но мы не убивали! – прошипела Майя. – Боже, все годы думаю, и в голове не укладывается... пока мы с тобой траха-

лись, Серый, твоя сестра убивала моего брата.

– Перестань, Майя, – предупредил Витольд. – Мы это сто раз обсуждали.

– И еще сто будем, – процедила Майка и отошла в сторону. Подняла глаза к небу.

– Я с детства не любил Лиду, а теперь просто ненавижу. Из-за этой твари она не вышла за меня замуж. – Он вздохнул и скосил глаза в сторону Майи. – Еще и аборт сделала.

– Знаю, – проскрежетал Витольд. – А если теперь что-то случится с Мэри...

– Я найду ее и разорву голыми руками.

Стрельников хлопнул по плечу друга.

– Если жена не примет меня обратно, все равно постараюсь уберечь ее.

– Добивайся, чтоб приняла, – зло пробурчал Сергей. – Очень тебя прошу, брат.

Витольд собирался объяснить старому другу, что он-то приложит все силы. Но за эти два года Мэри тоже изменилась. А он не заметил. Они все проглядели. Но в ту секунду, когда Стрельников только открыл рот для отповеди, истошно закричала Майя:

– Вит, она ест песок!

Стрельников кинулся к дочери, которую уже отряхивала Майя. Присмирившие собаки сидели рядом и косились в сторону хозяйки.

Витольд подхватил на руки свою неразумную дочь и по-

мчался к дому.

«Нужно срочно промыть желудок, дать полисорб! Неизвестно, какой заразы наелась Ева. Мэри точно меня со свету сживет и никогда не простит», – горестно подумал он, убирая облепленные песком ладошки от своего лица.

Глава 10

Домой возвращались, когда стемнело. По лобовому стеклу накрапывал легкий дождик. Маша лениво наблюдала, как, хмуро вглядываясь в наступающую ночь, муж уверенно ведет машину по скользкой дороге. За день, проведенный с семьей, самодовольство драгоценного супруга сменилось мрачной решимостью. Еще в сауне, когда Витольд тряс ее и тащил под ледяную воду, она заметила его искренний страх. И вместо маски самовлюбленного супермена на короткий миг проглянула растерянность обычного человека.

«Но, – сама себя одернула Маша, – влюбилась-то ты в супермена. Бывшего капитана сборной по хоккею и подающего надежды врача! Мне тогда исполнилось шестнадцать лет, – привела она весомый довод самой себе. – И я млела, как дурочка, когда Стрельников просто брал за руку. Я с ума сходила от его голоса и широких плеч, даже от взгляда. А когда поняла, что нравлюсь, чуть башку не снесло. Вит водил в театр и на концерты. Доставал билеты и контрамарки на Пугачеву и „Машину времени“. Стоически высиживал в консерватории и на балете. Лишнего не позволял. И никто же тогда не надоумил, что ничего хорошего не выйдет из этой любви. Только Лида одна предупреждала. Аж криком кричала».

– О чем задумалась? – бросил Витольд, не отрываясь от дороги.

– Вспомнила, как ты со мной в консерваторию ходил, – слабо усмехнулась она.

– Было дело, – хмыкнул он. – Я тогда с тобой и в кружок вышивания пошел бы. Все искал поводы для встреч.

– Да ты у нас практически жил, к себе только ночевать ходил.

– Ну и что? Мы же с Сережкой у него в комнате болтали, а ты к нам почти не заглядывала, вот и приходилось таскаться по выставочным залам и консерваториям. Мне же нужно было тебя как-то влюбить в себя, а то так бы и помер от неразделенных чувств. А ты вышла бы замуж за этого... Владика. Он же тебе портфель носил?

– Хороший вариант, кстати, – заметила Маша. – Порядочный человек.

– А чем он сейчас занимается? – будто к слову поинтересовался Витольд.

– Понятия не имею. Вроде, в Америке живет.

– А-а-а, – пробормотал Витольд, мысленно даже опешив.

«И не Владик. Кто же тогда ее на работу устроил?» – подумал он и, чтобы скрыть навалившееся смутение, глянул в зеркало заднего вида.

Дети спали.

Звезда хоккея, скрючившись в три погибели, подтянул ноги к подбородку и, опустив лоб на колени, дремал. А любительница грязного песка, развалившись в креслице, дрыхла без задних ног.

Как же он испугался!

Но Мэри быстро заставила дочку прополоскать рот. Дала выпить полисорб и ложку оливкового масла и понесла купать.

Витольд поплелся следом.

– Может, ей желудок промыть, Мэри? – пробубнил, раскаиваясь.

– Себе промой, Стрельников, – отмахнулась Маша. – После анализ на гельминтов сдадим, и все.

– А она часто песок ест? Может, ее врачу показать? Эндокринологу? Давай я завтра на прием запишу.

– Ты лучше сам к психиатру запишись, – фыркнула жена, вручив ему сначала полотенце, а затем и саму Еву. И уже серьезно добавила: – Там стекла не было?

– Да нет вроде, – пробурчал Стрельников, снова обругав себя, что даже не посмотрел. – Я сейчас схожу, гляну и пробы возьму. А завтра сдам в СЭС на анализ, – предложил он. – И, передав дочку жене, опрометью кинулся обратно на пляж.

Вернувшись через несколько минут, Витольд положил в машину кулек с песком и через гараж вошел в дом. В гостиной слышались звуки стрелялки: Ленка с Сергеем играли в приставку, а на диване восседал Чапай и с умным видом пялился на «поле боя». На кухне Агата и теща учили Мэри уму-разуму. Он остановился в коридоре и прислушался.

– Двое детей, Маша, ты просто обязана, – настаивала на своем мамОля. – Отец такие коники выкидывал. Всему пол-

ку тошно становилось, а мне в первую очередь. Да и ничего, всю жизнь вместе прожили.

– Я не хочу, мам. Не хочу жить во вранье, не хочу прощать подлости. Нам с детьми и так хорошо.

– Ох, Маша, – тяжело вздохнула Агата. – Решать, конечно, тебе. Но без мужика в доме трудно придется.

– За два года мы справились, – парировала Мэри. – И вы помогаете. Вы же нас не бросите?

В ответ Витольд услышал возмущенные возгласы своей старшей сестры и тещи.

– Да поймите, сейчас время другое, – продолжала терпеливо разъяснять жена. – Может, я и зарабатываю меньше Витольда, но мы ни в чем не нуждаемся. Но никто не станет убеждать, что он возвратился в семью навсегда. Ты уверена в этом, Агата? А ты, мама?

Собеседницы хором ухнули что-то невразумительное.

– Мне за эти два года многое стало ясно. Муж – понятие временное. Витольду я ни на грош не верю. А сейчас опять раскрыть душу и сердце и со страхом ждать, когда мои чувства растопчут, я не хочу. Понимаете?

– Понимаем, Машенька, – затянула свою песню Агата. – Но хотим, чтобы дети росли с родным отцом, а не с отчимом.

– Да не будет никакого отчима, – фыркнула Маша. – Я второй раз замуж не собираюсь. Какая необходимость? Заведу любовника или двоих. У Стрельникова две любовницы, а у меня – два любовника. Эх, заживем!

– Хватит глупости болтать, – строго оборвала мамОля и заметила тихо: – Отец тебе не позволит.

– А откуда он узнает? – рассмеялась Маша. – Я у него увольнительную подписывать не собираюсь.

Витольд стоял в коридоре, прислонившись затылком к стене, и слушал феминистские речи своей супруги. Хотелось ворваться на кухню и залепить ей рот... поцелуем.

«Два любовника! – мысленно ужаснулся он. – Даже не мечтай, дорогая!»

– А чего вы так переполошились? – снова фыркнула Мэри. – Вам-то что? Как ваша жизнь улучшится, если я пушу обратно Витольда?

– Мы беспокоимся о тебе, – пробормотала мамОля.

– И о нем, – тут же встряла Агата. – Он тебя любит.

– Я вас умоляю, – хмыкнула Мэри. – Нет никакой любви, и в природе не существовало. Мой муж любит только себя. Свое павлинье величество. Это в восемнадцать я верила, сейчас даже не надейтесь.

– Глупости болтаешь, – быстро одернула мамОля. – Он любит тебя и детей.

– Я этого не ощущаю, – отрезала жена. – Дети тоже. Подарки еще не любовь. Ева прекрасно манипулирует его чувством вины. А это неправильно.

– Вот и пусти его обратно, – вставила Агата. – Пусть узнает, какой настоящий отец.

– Царь горы? – уточнила Мэри. – Не хочу. Мне с трудом

удалось из того ужаса выкарабкаться. Еще раз поверить предателю? Нет.

– Отец тоже не сладкий сахарок, – начала мамОля свою любимую песню.

– Папа тебя спас, и этим все сказано, – пробормотала жена. – Витольд ничего героического не совершил. Думает только о себе. А семья – так, придаток к имиджу. По статусу положена жена и дети, ну и баб целый хоровод.

– Но он же вернулся... – принялась уговаривать Агата.

– Куда и зачем? Можешь мне ответить? А самое главное, сроки. Когда это представление подойдет к концу? Ну, чтобы я могла детей предупредить заранее. Типа папа улетел и обещал вернуться. Карлсон, блин.

– Не ругайся, – тут же сделала замечание теща и добавила: – Агата, посмотри, бульон закипел? Может, уже пора картошку загружать?

– Пойду гляну, как там Ева, – пробурчала Мэри и выскочила в коридор.

Увидев мужа, опешила.

Он схватил ее за руку и притянул к себе. Впился губами в ее губы.

«Никогда бы не подумал, что бывают злые поцелуи», – сам себе заметил Стрельников. Но этот вышел именно таким. Требовательным и властным, будто Витольд заново устанавливал свою власть над женой, брыкающейся в его руках.

Он усилил натиск, и она сдалась. Всего лишь на минуту,

а потом, оттолкнув, устало пробормотала:

– Сбавь обороты. Ты меня достал.

– Даже не надейся, – прохрипел он. – Ты моя жена.

– Знаешь, Витольд, – Мэри заглянула ему в глаза и прошептала:– мне этого никогда не забыть.

Сейчас, подъезжая к дому, Стрельников сердился на себя, что не смог совладать с собой и полез целоваться. Злился на жену, посмевавшую усомниться в его любви.

«Я докажу тебе, милая, – мысленно пообещал он. – Не отвертись».

Уже у самого подъезда у Маши пикинул телефон. Она оглянулась на мужа, вынимавшего Еву из машины, и быстро написала в ответ:

«Когда?»

Трубка тут же отозвалась трелью. И снова Витольд услышал хриплый мужской голос, пролаявший что-то в ухо жены.

– Хорошо, – согласилась Мэри с собеседником и отключила связь.

Поднимаясь по лестнице, он разрабатывал план, как вывести жену на чистую воду. Но все пошло прахом, стоило лишь только оказаться в квартире. Мэри поставила на пол пакеты с Агаткиными разносолами и коротко бросила сыну:

– Мне нужно уехать ненадолго, присмотри за сестрой.

Она быстро развернулась и вышла из квартиры. Витольд услышал, как застучали каблуки на лестнице.

– Совсем от рук отбилась, – проворчала Эльза, забирая

пакеты на кухню.

Ему хотелось закричать, броситься следом. Не пустить. Но на руках безмятежно спала Ева. Витольд прошел в детскую и аккуратно положил дочку на диван. Снял сандалии с бабочками, накрыл пледом.

Руки чесались разбить что-нибудь, но он сдержался. Прошел в комнату к сыну.

– Ты знаешь, куда мама поехала?

– Да, – коротко бросил Леня и уткнулся в планшет.

– И?

– По делам, – буркнул сын.

Исчерпывающая информация!

Стрельников зашел в свой бывший кабинет и оттуда позвонил Сергею.

– Можешь посмотреть, куда моя жена поехала? – попросил он. Хотя сама просьба больше напоминала приказ.

– Нет, Вит, одного раза достаточно. Помогать тебе шпионить за сестрой я не стану, – отрезал Серега и отключился. Витольд уселся в старое кресло, вытянул ноги и закрыл глаза.

В детской заворочалась Ева, позвала громко:

– Мама! Мама!

– Ее нет дома! – прокричал из своей комнаты Леня. – Спи, пиявка!

Витольд услышал, как по паркету прошлепали босые ножки, и кто-то на кого-то прыгнул.

– Ева-а, – протянул старший брат.

– Леня, а где мама? – всхлипнула малышка.

– Скоро приедет, – успокоил сын. – Смотри, игра какая.

Птицы против свиней. Нужно правильно шарики пулять.

– Леня, а мама нас не бросит? – забеспокоилась Ева.

– Нет, не бросит, точно тебе говорю, – серьезно заверил Леня.

– А папа? – снова затормошила брата Ева.

– Папа с нами не живет, – пробормотал Леня. – У него сложный график. Но он все равно наш папа.

– Папа босил, у него гафик, – тяжело вздохнула Ева и добавила печально: – А мама не босит?

– Я же тебе сказал, пиявка, – рассердился Леня. – Мама никогда нас не бросит.

Витольд подхватился с места и кинулся к детям. В комнате сына на диване валялся Леня с планшетом, а рядом, уткнувшись брату в плечо, лежала заплаканная Ева. Оба с деловым видом тут же уставились в игрушку, стоило ему показаться на пороге.

– Леня, Ева, – выдохнул Стрельников. – Никогда вас не брошу. Обещаю.

Первой к нему кинулась Ева, потом потянулся Леня.

– Только не обмани, пожалуйста, – протянул взрослый сын. – Мама второй раз не выдержит.

Телевизор орал на полную громкость, показывая очередное творение Голливуда. Ольга всмотрелась в профиль му-

жа, напряженно следящего за экранным действием. Она наперед знала, что любой фильм Чапай оценит фразой:

– Опять капиталисты фигню гонят. Наши фильмы лучше.

И снова хмыкнет на Ольгин вопрос:

– А зачем ты тогда смотришь?

– Чтобы быть в курсе происходящего, голова два уха, – отрежет Чапай.

Уйти, заняться своими делами никогда не получалось. Василий Иванович предпочитал смотреть телевизор в присутствии жены. Традиция у него такая. Ольга глянула на экран, где шла очередная перестрелка. Том Круз, милый мальчик из «Далекой страны», превратился в супергероя. И все фильмы с ним казались Ольге на один манер. Она прикрыла глаза, пытаясь совладать с мыслями. От нервов разболелся желудок.

«Маленькие детки – маленькие бедки, – подумала Ольга. – Все дети, все выросли непутевые. Даже к Маше, с которой все пылинки сдували, судьба оказалась немилостива. Эх, Виташа, Виташа, что же ты натворил, мальчик мой? Почему моя радостная и красивая дочка в одночасье превратилась в тень самой себя? Почему не ходил на сторону тихо, как остальные, оберегая покой и честь жены? Зачем тебе понадобилось устроить карнавал из личной жизни?»

Ольга Сергеевна тяжело вздохнула. Это не укрылось от Чапая.

– Ты чего, Олюшка? – поинтересовался, уменьшая звук

на рекламу.

– Желудок болит, – пожаловалась Ольга.

– К Виту в клинику нужно тебя положить, пусть обследует зятек, – пробормотал Чапай.

– Носишься с ним как с писаной торбой, – не выдержала она. – Только я думаю, зря мы ему Машу в жены отдали. Вся семейка гулявая. Что Сашка-покойник ни одну медсестру мимо себя не пропускал, что Еленочка...

– Перестань старые портянки ворошить, – поморщился Чапай. – Хочешь, иди ложись, я тебе таблетки принесу. Только скажи какие. Или Маше позвоню, спрошу.

– Не надо. Перепугаешь только, – остановила она мужа. – Я сама все возьму. Не беспокойся, Чапай.

– Всегда Чапай, – пробурчал он. – Уже забыл, когда по имени называла...

Ольга погладила его по башке, прошлась пальцами по линялым редким волосам и чмокнула в макушку.

– Васенька, – прошептала мужу на ухо и пошла на кухню за лекарствами. Он приплелся следом. Потом потащился за ней в спальню.

– Оль, – пробормотал тихо. – Я всю жизнь чувствую свою вину за Лиду, но тогда мне казалось, что ты меня бросила и больше не вернешься.

– Я знаю, Вася, – глухо заметила она.

Ольга положила голову на плечо мужу, погладила по груди.

– Я саму себя спрашиваю, она знает, что не родная мне? Я же никогда не делала различий между своими сыновьями и Лидой. Мог ли кто сказать ей правду?

– Ты ее единственная мать. Хорош ерунду болтать, – отмахнулся Чапай. – Кроме Кольки, никто ничего не знает. Ложись-ка ты спать... – пробурчал Архипов, наблюдая, как жена снимает длинный шелковый халат и укладывается в постель. Чапай сел рядом, поправил тонкое одеяльце.

– Куршивому поросенку и на Петrivки холодно, – улыбнулся он. – Спи, голова два уха. Завтра наговоримся.

– Подожди, Вася, – попросила она.

– Чего такое? – недовольно хмыкнул он.

– Я очень тебя прошу, не дави на Машу и не помогай Витольду. Пусть сами разбираются.

– Как же, разберутся они! – в сердцах крикнул Чапай. – А потом дети – сироты? Евка нервная, Машку замордовала совсем. Пусть возвращается уже. Хватит, нагулялся!

– Вася, – жена глянула с укоризной. – Я очень тебя прошу. Пусть Маша сама решит.

– Как же, решит она, – пролаял Чапай. – Тебе бы волю дали, ты бы много наreshала. И дочка такая же. Витольд, если попросит, помогу, Марья обратится, тоже помогу. Это мои дети. Нечего мне тут указывать!

– Дай ей самой выбрать, – взмолилась Ольга.

– Ладно, Оля, не буду. Сами люди взрослые, – внезапно согласился он. – Спи. А я еще посижу.

Глава 11

Ольга повернулась на бок, подложив под голову маленькую подушечку-думочку.

«Что-то быстро согласился Чапай, – мысленно огорчилась она. – Не иначе как сделает все по-своему».

Ольга села на кровати, переплела косу и, одернув ночную на полной груди, снова улеглась. Сон не шел.

Она вспомнила школу в Уссолье, толчею на перемене и будто снова увидела, как из одного конца коридора в другой несется самая противная девчонка из ее класса. Грязный фартук, распустившиеся ленты бантов и дыра на коленке. Явно из неблагополучной семьи. Нужно выписать адрес из журнала и сходить к ней домой. Посмотреть, в каких условиях живет ребенок. Ольга на минутку задумалась, представляя вечно пьяного отца и изможденную работой мать или вовсе мать-одиночку, и пропустила момент, когда, пробегая на полном ходу, девчонка толкнула первоклашку и даже не заметила этого. Девчушка кулем свалилась вниз, пролетев несколько ступенек, и разрыдалась. Таня Петрова, учительница начальных классов, хмуро глянув вслед несносной девице, бросилась поднимать малышку. Но та сильно закричала.

– Кажется, перелом, Оля, – испуганно воззрилась на коллегу. – Придется везти в больницу.

– С этой красавицей нужно что-то решать, – заявила Ольга. – Уроки срывает, учителя жалуются. Когда я ее ругаю, она песни поет. Никакого слладу. Хочу пойти поговорить с родителями...

– Без толку, – отмахнулась Татьяна и, взяв девочку на руки, потащила в медпункт.

«Что значит без толку?» – подумала тогда Ольга и решительно направилась в учительскую. Взяла журнал, выписала адрес.

– К кому собралась? – поинтересовалась лукаво Нинель Рувимовна, завуч по воспитательной работе, поднимая глаза от потрепанной методички.

– К Стрельниковой Агате. Просто неуправляемая. Хочу с родителями поговорить.

– Сходи, прогуляйся, – усмехнулась Нинель и снова углубилась в работу.

– Я не понимаю, – всплеснула руками Ольга. – Там что, все так безнадежно? Нет родителей? С кем она живет?

– С отцом, матерью и сестрой. Эльза Стрельникова, кажется, на два года младше.

– Тогда почему вы говорите, что бесполезно? – воззрилась на завуча Ольга.

– Я не сказала, что бесполезно, а предложила прогуляться. Иди. Составь свое мнение. Девочка учится в твоём классе. Тебе с ней еще как минимум два года работать.

«Как же, – хмыкнула про себя Ольга. – Через два года ме-

ня тут не будет. Отработаю по распределению и дня не задержусь».

Она нацепила старенькое пальтишко, замоталась сверху пуховым платком и отправилась по адресу на бумажке.

Но всю оставшуюся жизнь Ольга благодарила судьбу, что повела ее в тот день направо, к Стрельниковым, а не налево, к домику, где учительница снимала комнату.

«Направо пойдешь – мужа найдешь, налево пойдешь – смерть обрешь».

Жаль, камня с такой надписью не существовало. И Ольга, ведомая чувством долга, направилась к Агате Стрельниковой, а не домой. Хотя хотелось прилечь, погреться около газового камина, одна сторона которого выходила в ее комнату, приложить руки к керамическим изразцам и нащупать выпуклый орнамент. Хозяйки, молодая женщина с ребенком и бабушка, обязательно позовут ее к столу, накормят супчиком. Ольга помимо платы за квартиру оставляла деньги за «стол». И хозяйкам молодая жилищка стала еще милее. Ест мало, платит много. Красота!

Идти оказалось недалеко. Ольга вошла в подъезд и напугнулась на караульного. Тот проверил паспорт, осведомился строго, куда она идет, и показал на лестницу.

– Третий этаж.

– А квартира какая? – переспросила Ольга.

– Там одна квартира. Я им сейчас позвоню.

Она удивилась было такому повороту и пошла наверх по

выдраенным начисто каменным ступенькам.

Дверь распахнула женщина невиданной красоты. Черные как смоль волосы подстрижены в идеальное каре, а глаза, словно вишни, оглядывают с интересом.

– Вы новая учительница? – весело поинтересовалась женщина. – Из-за нашей Агатки пришли?

– Да, вы ее мама? – смутилась Ольга, почувствовав себя замарашкой по сравнению с эдакой красавицей.

– Проходите, – радушно пригласила женщина. Она помогла повесить пальто в прихожей и оглянулась назад. – О господи, Майя! – рассмеялась громко и взяла ребенка на руки. – Эльза, Майка от тебя удрала. – Тут же выбежала тоненькая девочка лет десяти, протянула руки.

– Давай ее сюда, тетя Валя.

– Она тяжелая, – остановила девчонку женщина и обратилась к Ольге:– Да вы проходите. – Потом задумалась на минуту. Куда? И, распахнув плотно закрытую дверь, снова пригласила: – Сюда, пожалуйста. Сейчас Агата закончит музыкой заниматься, и я ее позову.

– Мне бы с матерью поговорить или с отцом, – неуверенно начала Ольга, оглядываясь по сторонам. Порядок в комнате был безупречный. Никаких лишних вещей или пыли. Стол под абажуром, диван и пара кресел. Жилище аскета.

– Отец в госпитале на дежурстве, а матери нездоровится, – отрезала женщина. – Мне расскажите, я все передам.

Ольга хотела отказаться от такой перспективы, но вдале-

ке квартиры заиграло пианино. Кто-то шпарил гаммы, как будто сам сочинил их. Ни одной ошибки. Отличная техника исполнения.

– Хорошо, Агата, – услышала Ольга строгий голос. – Иди к Эльзе, я хочу полежать.

«Полежать? Днем? Где же это видано?»

– Агата, поди сюда, – позвала женщина. И тут же в комнату ворвался вихрь.

– А почему вы здесь сидите? – изумленно поинтересовалась девочка. Ольга заметила, что вместо потрепанной школьной формы на ней теплое фланелевое платье, коса заплетена, а грязного фартука или дырявых колготок нет и в помине.

– Что вы тут делаете? – снова осведомилась девочка. И из-за ее спины раздался требовательный мужской голос:

– Меня это тоже интересует, Валентина!

В комнату вошел коренастый мужчина и недовольно уставился на женщину с ребенком.

– Я задал вопрос. Что здесь происходит?

– Ну, Чапай, то есть Василий Иванович, – залепетала она. – Везде беспорядок. У меня дети играют, у Стрельниковых Еленочка лежит. На кухне я стол к обеду накрыла. А тут учительница пришла. Ольга Сергеевна. Куда ее пригласить? Только к тебе.

Ольга всмотрелась в широкое крестьянское лицо, перевела взгляд на толстую бычью шею и сразу поняла, в чьей ком-

нате оказалась. Чапай, Василий Иванович Архипов, товарищ полковник, командующий местной военной частью. Она видела его на линейке в школе первого сентября. Среднего роста, коренастый суровый мужик.

– Учительница? – переспросил Чапай и строго оглядел детей. – А кто у нас набедокурил?

– Я пришла к родителям Агаты Стрельниковой, – снова повторила Ольга. – Ее мать сможет выйти ко мне?

Архипов глянул на Валентину, та покачала головой.

– Нет, – отрезал он. – Я вас выслушаю и все передам отцу девочки. – Он повернул голову ровно в тот момент, когда Агата попыталась улизнуть из комнаты.

– Стоять, – тихо буркнул полковник. И Стрельникова застыла как вкопанная.

– Значит, так, – Архипов посмотрел на часы, – у меня времени мало. Вы мне все за обедом расскажете, – и повернулся к Валентине. – Валь, готово у тебя?

– Конечно, – хмыкнула она. – Ты там моего Баженова не видал, Василь Иваныч? – поинтересовалась она у Архипова.

– Идет следом, – крикнул тот, усаживаясь за стол. – Мы в штаб округа сейчас поедem. Да, и вот что. Детей на улицу не выпускать. Из колонии сбежали зеки. Всех по тревоге теперь поднимают. И милицию, и армию. – Чапай обернулся в коридор, где застыла пораженная таким поворотом учительница. – Садитесь, придется есть и разговаривать. Иначе я вам время уделить не смогу.

Ольга села на краешек табуретки и удивленно воззрилась на полную тарелку куриного супа, поставленного перед ней Валентиной.

– Кушайте, кушайте, – запричитала та. – У нас все по-простому. Берите пирожок. Сегодня пекла. Агатка, – обратилась она к девочке, – маме бульончика отнеси. С сухариками.

– Слушаю вас, Ольга Сергеевна, – снова терпеливо повторил Чапай.

Она сбивчиво принялась рассказывать, и чем больше говорила, тем сильнее мрачнел Архипов.

– Агата, – негромко позвал он. Девочка нехотя вышла из комнаты и вернулась на кухню.

– Чтобы больше этого не было, понятно? – сурово предупредил он.

– Да, – промямлила Стрельникова и затеребила косу. – Я больше не буду.

– То-то же! – кивнул Чапай и продолжил обедать. – Такое больше не повторится, – заверил он Ольгу, глядевшую на него в полном недоумении. Она хотела возразить, что девочка слишком своевольная и не сдержит слово, но Архипов ласково поглядел на учительницу, скупно улыбнулся и повторил за Валентиной:

– Кушайте, кушайте.

В эту минуту в коридоре стукнула дверь, послышались шаги и на кухню прямо в шинели ввалился худой высокий человек с глубоко посаженными глазами и орлиным носом.

Подозрительно оглядел присутствующих. И от этих маленьких пронизывающих глазок Ольге стало неуютно, словно незнакомец смог распознать ее сокровенные тайны.

– Хорошо тут у вас, – пробурчал он, вешая шинель на край кухонной двери. Потом подошел к Ольге и, оправив китель, протянул руку:

– Баженов Николай Иванович.

– Ольга Сергеевна. Самсонова, – пролепетала Ольга в ужасе. Сам начальник контрразведки.

Валентина, передав ребенка Эльзе, принялась хлопотать над мужем. Провела рукой по мундиру, пригладила волосы.

– Есть давай, лиса, – хмыкнул Баженов. – И сама садись. Дети ели?

– Да, я всех покормила, – кивнула Валентина.

Доев суп и пирожок, Ольга засобиралась к выходу.

– Подождите немного, – велел Чапай. – Сейчас машина придет, мы вас до дома довезем. Негоже по темноте одной ходить. Вы где живете? – участливо уточнил Архипов.

– На Заводской улице, – промямлила Ольга.

– А номер дома? – осведомился Баженов и потянулся за пирожком.

– Тридцать два, – пролепетала учительница.

– Это такие пятиэтажные дома рядом с промзоной? – заинтересовался Чапай.

– Нет, пятиэтажки ближе к заводу, а эти двухэтажные кирпичные дома около мебельного магазина, – принялась объ-

яснять Ольга.

– Знаю, – махнул рукой Чапай и потянулся к пузатенькому кувшину, налил себе и Ольге морс. – Там еще по две квартиры на площадке.

– Ага, точно, – согласилась Ольга, отпивая рубиновую жидкость, и повернулась к Валентине. – Очень вкусно. И компот, и суп, и пирожки! Вы такая хозяйка необыкновенная.

– Да ничего особенного, – передернула та плечом.

Ни одна, ни другая женщина не заметили, как многозначительно переглянулись мужчины.

Снизу позвонили, машина пришла.

– Тебя как за смертью посылать, – ругнулся на водителя Чапай, усаживаясь рядом с Ольгой. Баженов сел впереди и тут же принялся листать какие-то бумаги. А Василий Иванович Архипов просто взял Ольгину руку и поцеловал. А потом долго держал ее ладонь в своих лапищах. Ольга не знала, что и думать. Но вытащить ладонь из рук полковника не посмела. Так и сидела всю дорогу, притихнув.

Машина тихо затормозила, не доезжая до дома.

– Провожу, – предупредил Архипов. – Мало ли кто в подъезде ошивается.

Он помог ей выйти, а потом церемонно повел под руку к дому. На лестнице, пропустив вперед, решил довести до квартиры. От самой машины и до квартиры Ольга думала, что теперь не избавишься от влиятельного кавалера, и даже

не заметила, что одновременно с ними из машины вышел Баженов, а Чапай, поднимаясь по лестнице, расстегнул кобуру.

Она постучала в дверь. Послышались шаркающие шаги, и старуха открыла, ласково улыбаясь.

– Пришла, моя голубушка, – залебезила она, пропуская Ольгу в квартиру. Но Чапай, решительно отодвинув учительницу в сторону, первым вошел внутрь.

– Что тут у вас? – рыкнул воинственно и заорал страшно. – Оружие на пол! Руки за голову!

Из кухни раздался выстрел. Архипов, моментально достав пистолет, принялся стрелять. Старуха вскрикнула и попыталась схватить Ольгу, но она отпрянула в сторону, не дав цепким старушечьим пальцам вцепиться ей в руку, тем самым взяв в заложники. Она слышала звук открывающегося окна, потом кто-то прыгнул вниз, прямо в объятия к Баженову.

А затем все стихло. Ольга заглянула в квартиру и остолбенела. В коридоре, на кухне лежали убитые зеки, а вместе с ними и молодая хозяйка.

– Оля, Оля, не нужно тебе туда смотреть. – Ласково взяв за плечи, Архипов выпроводил ее на лестницу. – Иди в машину, Олюшка, посиди там. Тут тебе все равно оставаться нельзя.

– Мои вещи, – прошептала она. – Нужно забрать.

– Сейчас ничего трогать нельзя, родненькая, – прошептал Чапай. – Иди в машину потихонечку. Милицию дождемся и тебя на ночлег определим.

На негнущихся ногах она спустилась вниз по ступенькам и, словно неживая, плюхнулась на пассажирское сиденье рядом с местом водителя, стараясь не смотреть на распростертого под окнами человека в синей замызганной майке и с большими ногами. По неестественно вывернутым ступням с первого взгляда становилось понятным, что это труп.

Ольга закрыла глаза и прислонилась головой к стойке автомобиля, силясь сообразить, что нужно куда-то идти, прописаться переночевать. А у нее даже вещей нет и денег. Все осталось наверху. Еще не давала покоя мысль, что было бы, приди она домой сразу после работы. Осталась бы в живых, или над ней сначала бы надругались, а потом убили? Около дома собирались люди из близлежащих домов, переговаривались вполголоса, но Ольга не замечала ничего и только об одном могла связно думать. Сегодня она родилась заново, избежав лютой смерти. И если бы не Архипов...

Ольга как издалека слышала голоса. Пришлось разлепить веки, осмотреться.

Из подъезда к машине спешил Архипов.

– Поехали, Кузнецов, – велел он.

– А милиция? – встрял водитель.

– Товарищ подполковник дождется. А мы сейчас Ольгу Сергеевну отвезем и вернемся.

Водитель посмотрел внимательно на Чапая, на дамочку, которую тот усаживал сзади, и поинтересовался осторожно:

– Куда едем, товарищ полковник?

– К моей матери, – бросил Архипов и, забравшись в «Волгу», снова взял учительницу за руку. – Там ты будешь в безопасности, Олюшка, – пояснил он. – Не бойся, у меня маманька добрая. А я поздно вечером приеду.

Ольга смутно помнила дорогу на Выселки, почти не обратила внимания на большой деревянный дом, стоящий на бетонных сваях, краем глаза глянула на маленькую сухонькую женщину. На тяжелых ногах она прошла в комнату и села на самый краешек дивана. Надежда Никитична, мать Архипова, оказалась тихой и ласковой. Она помогла гостье снять пальто и сапоги, дала выпить стакан парного молока и проводила в спальню. Ольга даже не представляла, как сможет жить после увиденного, а тем более есть или спать, но, поворочившись пару минут на высокой и мягкой перине, она даже не почувствовала, как засыпает, а просто провалилась в глубокий и крепкий сон. Она проснулась от собственного крика. Кто-то в кромешной тьме погладил ее по голове, поднес к губам чашку с водой. Ольга сделала глоток, другой и тяжело вздохнула.

– Пей, пей, Олюшка, – услышала она над самым ухом тихий говор Чапая. – Все хорошо. Я не дам тебя в обиду. – Он отставил в сторону кружку. Ольга даже удивилась, как он свободно ориентируется в темноте. И тут же ему об этом сказала.

– Это же мой родной дом, – удивился Архипов. – Я тут вырос и с закрытыми глазами что хочешь найду, – хмыкнул

Чапай. – Спи, девочка, завтра в милицию поедem. Расскажешь там о квартирной хозяйке и ее дочке.

Ольга снова тяжело вздохнула и будто подавилась плачем. И тут же оказалась в крепких объятиях Чапая. Он сначала просто ее гладил по голове, а потом сел рядом на кровать – Она почувствовала, как прогнулась сетка, и, прижав к себе, начал успокаивать.

– Испугалась, маленькая? Скоро забудется все. Всех гадов порешили. Хорошо, что я с тобой поднялся. А хозяйки твои в сговоре с этими бандюками были. Молодая – гражданская жена одного из бандитов. А старуха другому теткой приходится. Они тебя специально на постой взяли. Знали, что побег готовится. У близких родственников милиция расставила засады, а тут посчитали лишним. Как же хорошо, что ты сегодня ко мне пришла.

– Я не к вам пришла, а к Стрельниковым, – пролепетала Ольга, с трудом в темноте различая своего нового знакомого.

– Ну как же не ко мне! – добродушно возмутился Архипов. – Ты же в моей комнате за столом сидела, когда я вошел. Она тихо захихикала.

– Я не знала. Я не хотела.

– Знаю, – пробормотал Чапай. – И хочу.

От его хриплого голоса Ольга ощутила, как по спине забегали мурашки. Она вздрогнула, а он, убрав с ее лица непослушные прядки, провел ладонью по щеке и поцеловал. Крепко и собственнически, словно ставил свою печать. Раз

и навсегда говоря всем, что эта женщина принадлежит ему.

– Олюшка, – прохрипел он. – Выходи за меня. Я не смогу отпустить тебя, а ухаживать мне некогда.

– Я уехать хочу из Уссолья, – пробормотала она, обмякая в его руках.

– Уедем, обязательно уедем. Ну, согласна?

Ольга ни тогда, ни сейчас не знала, что на нее нашло. Но она кивнула и тихо пробормотала:

– Да.

Глава 12

– Никак не пойму, что происходит. Как черт путает! – беззлобно ругнулась Иллария, кутаясь в теплую шаль, несмотря на жару. – И тебя сорвала посреди ночи. Но тебе грозит какая-то серьезная опасность... Хорошо, что сразу приехала. Отведу зло в сторону. Не коснется оно тебя. Но это временная мера. Кому же ты так могла досадить, моя хорошая?

Маша пожала плечами.

– Понятия не имею. Я – человек мирный. Может, подружки мужа?

– У них мозгов не хватит, – криво усмехнулась целительница и замолчала на минуту, словно ушла в себя. Потом, встряхнувшись, добавила, откинув назад черные волосы: – Я немного удержала их. В ближайшие дни ничего не получится. Буду молиться за тебя и чтобы Господь дал мне силы понять, что происходит.

Она снова внимательно воззрилась на Машу и, улыбнувшись, нарочито весело предложила:

– Андрей с утра семечек нажарил. Хочешь?

– Давай, – согласилась Маша. – Я даже представить не могу, чтобы Витольд что-нибудь жарил, тем более семечки, – захихикала она. – А твой муж на все руки мастер.

– Да, повезло. Конечно, не мировая знаменитость, а простой мужик, но весь дом на нем. Я же ни шить, ни стирать, –

фыркнула Иллария и добавила: – Пошли во двор. В хате семки лущить нельзя.

Они сидели на скамейке и, поставив большую эмалированную миску прямо на лавку, ели семечки.

– Посмотри, чего мне от Витольда ожидать, – попросила Маша.

– Я тебе и без карт скажу, все зависит от тебя. С самого его возвращения разные расклады кидала, а все пустая карта выпадает, – поморщилась Иллария.

– Так убери, – хмыкнула Маша и сама себе напредила Еву. – Разложи без нее.

– Нельзя, – как несмышленицу объяснила Иллария. Слабая улыбка коснулась лица целительницы. – Мы же с колодой договорились. Но тут и так все ясно, моя дорогая.

Маша всмотрелась в бледное лицо, в посиневшие от времени или болезни губы, перевела взгляд на впалую грудную клетку и тонкие плечики, одно выше другого.

– И что же ты видишь? – поинтересовалась ласково. – Только не говори, как мама и Агата, что мы любим друг друга и должны жить вместе ради детей.

– Две дурёхи, – хмыкнула Иллария и серьезно добавила: – Знаешь, как муж воспринимал тебя все эти годы? Как Мадонну! – едко хмыкнула гадалка и замолчала.

– Я мать его детей, поэтому? – не выдержала Маша затянувшейся паузы.

– Нет, ты не поняла, – фыркнула Иллария, потянувшись

к бутылке с водой. Сделала пару глотков и продолжила: – Я тебе сейчас не про Богоматерь толкую, а про сервиз. Знаешь, такой красивый с перламутровыми чашками. Эта красота обычно в сервантах пылится, из них сами не пьют, берегут для дорогих гостей. Вот и ты для супруга «Мадонна». Красивый предмет интерьера. Он же не добивался тебя, хотя сам по природе охотник. Получил как должное. Дом, дети... Когда он понял, что ты никуда не денешься, неосознанно перевел тебя в предмет интерьера.

– Скажешь тоже, – невесело усмехнулась Маша, потянувшись за новой пригоршней семечек. – Хотя, наверное, ты права. И что делать теперь, а?

– Ты его вернуть хочешь? Или выгнать?

– Не знаю, – пробурчала Маша. – Кто из нас предсказывает будущее...

– Я вижу, а не предсказываю, – строго заметила гадалка. – Но тут все ясно и так. Твой муж – очень сильная личность. Он харизматичен. А с точки зрения энергетических практик это означает, что Витольд умеет управлять внутренними потоками энергии. Я смотрела и ранее объясняла тебе, у него открыты все чакры, а значит, ничего не болит. Не могу понять, он сам контролирует движение энергии или это происходит спонтанно. Но Стрельников притягивает людей, как магнит. Ему ничего не стоит очаровать любого – от гламурной мемы до настоящего полковника.

– Это точно, – устало согласилась Маша. – Ладно, поеду

я. Завтра на работу, и у тебя прием.

– Ага, с семи утра люди идут, и я не могу им отказать.

– Храни тебя Господь. – Маша клюнула гадалку в щеку и понеслась к выходу.

– А почему ты промолчала про Испанию? – улыбаясь, поинтересовалась целительница.

– Это без меня, – пробормотала Маша.

– Глупости. Все равно поедешь, – вынесла вердикт Иллариya и пожелала:– Бдительных ангелов тебе и детям!

Маша гнала автомобиль и размышляла.

– Ишь ты, – злилась она на мужа. – Предмет я тебе. Сервиз «Мадонна». А с другой стороны, – одернула она саму себя, – ушел же. Променял на силиконовые губы. – И впервые в жизни призадумалась.

«Может, и моя вина в этом есть? Надоела. Или не любил вовсе. Или я так сильно растворилась в нем, что сама не заметила, как пропала».

Зайдя в квартиру, Маша поразилась тишине. Ева не выскочила из детской, не вышел встречать Ленька, да и Эльза куда-то подевалась. Свет горел только на пустой кухне, а дверь в комнату золовки оказалась плотно закрыта. Маша, похoдив по темной квартире, заглянула к сыну и обомлела.

На толстом синем ковре спал Витольд, а по бокам к нему прильнули дети. Наверное, баловались, да так и заснули на полу. Маша залюбовалась картиной. Большой сильный мужчина обнимал своих отпрысков, оберегая их сон. Но тут же

на смену созерцанию пришло раздражение.

Она слегка кашлянула, стараясь выровнять дыхание.

– Я не сплю, – прошептал Витольд. – Стели им постели, Мэри.

Маша бросилась в детскую и, приготовив кроватку Евы, осторожно перенесла дочку. Та лишь что-то пробубнила во сне, сразу уткнувшись носом в грудь матери. Следом поднялся сонный Ленька и сразу же, как подкошенный, рухнул в свою кровать. Витольд, подскочив, быстро прошел на кухню, где жена пила какие-то таблетки.

– Что у тебя болит? – поинтересовался участливо.

– Голова, – поморщилась Мэри, проглатывая пилюлю.

– Где ты была, расскажешь? – прошептал Витольд на ухо, наклоняясь сзади.

– К подружке ездила, – хмыкнула супруга и отстранилась. Стрельников не понял, правду ли она говорит или насмехается.

– Может, чаю попьем? – миролюбиво предложил он, решив пока не уточнять, что же это за подружка такая.

– Я устала, и завтра на работу, – отмахнулась Маша.

Витольд хотел съязвить, но остановил сам себя.

– Спокойной ночи, – ласково пожелал он. – Иди я тебя поцелую. В лобик.

– Себя поцелуй, – лениво отмахнулась Маша и пробурчала чуть слышно: – Куда дотянешься...

«Стервозина», – хмыкнул про себя Стрельников. И, до-

ждавшись, когда жена заснет, тихо прошел в спальню и забрал с тумбочки ее сотовый телефон.

Понимая, что времени на шпионаж у него осталось мало, совсем ничего, он быстро понажимал кнопки в смартфоне жены. Нашел приложение, призванное в любой момент времени следить за перемещением туарега, загрузил подобное к себе в айфон. И, открыв страницу с настройками, тут же вбил пароль, запуская программу. Затем, поискав нужный значок в телефоне Мэри, нажал на зеленый цветок. И когда мессенджер «ай-си-кью» открылся, переписал ник к себе в заметки. Он задумался всего лишь на минуту, вспоминая пароли жены. Обычно дата рождения кого-нибудь из семьи. Стрельников вышел из своего аккаунта в айфоне и попытался войти под ником жены. Сперва попробовал день рождения сына, потом дочери. Ничего не получилось. Витольд даже отчаялся немного, но подумав, ввел день рождения мамОли. На экране закрутились лепестки зеленой ромашки. Отлично!

«Все, любовь моя, теперь я спокоен. От судьбы не уйдешь», – фыркнул про себя Витольд, возвращая телефон на прикроватную тумбочку. Он бесшумно вышел из спальни и направился в кабинет, издали услышав, как из своей комнаты к матери несется Ева.

«Как же вовремя я успел», – сам себя похвалил Стрельников и как ни в чем не бывало вернулся в спальню и лег рядом с женой и дочерью.

Утром зарядил дождь, и Вадим безнадежно застрял в пробке.

– Возьми мою машину, – предложила Маша, проносясь мимо. – Я сегодня никуда не поеду и до работы по бульвару дойду.

– Я тебя отвезу, – решительно заявил Витольд. – И вечером заберу.

Она попыталась воспротивиться, но он сразу пресек ее желание сделать все по-своему.

– Это не обсуждается, Мэри. И дай мне паспорта, нужно купить билеты.

Витольд наблюдал, как жена в офисной бледно-серой юбке наклоняется к сейфу. И тонкая ткань натягивается на попке.

«Красиво», – мысленно отметил он, едва удержавшись, чтобы слегка не хлопнуть ладонью.

Улыбаясь как умственно отсталому, Мэри выдала ему документы, и по ее выражению лица Стрельников понял, что в его затею с Барселоной жена не верит. Порывшись в сейфе, она выудила браслет- его недавний подарок- и быстро надела на руку.

«Странно, – подумал Витольд, спускаясь в лифте и исподволь рассматривая запястье жены, украшенное затейливой

побрякушкой. – Инна вроде ворчала, что у этих браслетов сложные замки. А Мэри справилась с первого раза...»

Зазвонил мобильник. Вадим уже припарковался во дворе.

– Давай мы тебя отвезем, – миролюбиво предложил Стрельников. – Дорога мокрая.

– Не возражаю, – хмыкнула жена, садясь на заднее сиденье, и через пять минут выскочила из машины, попрощавшись до вечера.

Вадим сразу дал по газам. И Витольд лишь мельком увидел, как Мэри на высоких каблуках аккуратно обходит лужи и заходит в здание бизнес-центра, на ходу здороваясь с каким-то слишком уж разулыбавшимся мужчиной.

«Как мухи липнут», – раздраженно отметил про себя Стрельников.

– Хорошо, что Машенька с нами поехала, – нахмурившись, пробурчал Вадим. – Попроси Просвирина проверить ее машину.

Витольд вскинулся и изумленно уставился на брата жены. Просвирина- главного безопасника медицинского центра- Вадим не жаловал.

– Зачем?

– Я когда подъезжал, издалека заметил странного типа. Он сидел на лавке неподалеку от Машиного туарега и возился с каким-то устройством.

– Ну и что? Человек в планшете ковырялся, – недовольно протянул Витольд. – Подумаешь!

– Я и сам так решил, но один раз машина фарами мигнула, а он ушел сразу после этого. Как бы тачку не угнали...

– Странно все это, – задумавшись, поморщился Стрельников. – Двор закрыт. Периметр просматривается с десятка камер. Хотя могут довести до работы, а потом на проспекте украсть.

– Я где-то читал, – продемонстрировал свою грамотность Вадим, – что взрывные устройства могут так установить. А взорвется машина где-то в другом месте... Ладно-ладно, – замахал он руками, увидев выпученные глаза родственника. – Это явно к нам не относится! Кому Маша могла помещать?

Войдя в кабинет, Витольд Александрович первым делом вызвал Просвирина, а затем отдал секретарю паспорта.

– Нина Николаевна, я в пятницу опоздал на самолет. Сегодня нужно срочно купить билеты. Мне же в среду доклад делать!

– Хорошо, – кивнула секретарша и заторопилась к выходу. Строгая немолодая женщина. Его персональный дракон.

Витольд включил компьютер и сразу же вошел в аську под ником и паролем Мэри. Внимательно просмотрел список контактов. Попадались знакомые имена, но в основном узкий столбик пестрел неизвестными никами, большей частью мужскими.

«М-да, Мария Васильевна», – хмыкнул про себя Стрельников и, лениво поднявшись из кресла, пожал руку вошед-

шему Просвирину.

– Пусть твои бойцы тщательно проверят машину моей супруги, Юрий Петрович, – душевно попросил он и, словно ощутив неведомый пинок, добавил: – И зеркалом под днищем поводите, мало ли...

Просвирин удивленно воззрился на шефа. За год совместной работы тот первый раз упомянул о жене. Нет, по роду своей деятельности Юрий Петрович точно знал, что Стрельников женат, но с семьей давно не живет, а проживает в гордом одиночестве в квартире на улице Metallургов, куда наперегонки бегают физиотерапевт Белова и педиатр Чернова. Просвирин не стал задаваться извечным вопросом «почему так?», личная жизнь начальства его вообще не интересовала.

Следом за Петровичем в кабинет вихрем ворвалась секретарь. И прокричала, запыхавшись:

– Нашла, Витольд Александрович! Четыре билета в бизнес-класс, через Франкфурт. Покупаем?

Витольд довольно кивнул и, порывшись в портмоне, протянул пластиковую карту. И не утерпел, тут же набрал Мэри. Пропел в трубку, подражая дочери:

– Мы едем в Басиону!

– А-а, хорошо, – пробормотала жена и добавила еще тише: – Я с клиентом. Перезвоню.

Стрельников почувствовал, как накатывает злость. Опять захотелось все крушить. Он сжал кулаки и заставил себя уговориться. Но ревность, как шар, облепленный гвоздями, все

перекатывалась внутри, раня сердце и надрывая душу.

В кабинет заглянула Инна.

– Можно, Витольд Александрович? – пропела игриво.

– Входите, Инна Михайловна, – сурово разрешил он.

Бывшая любовница, словно не заметив стали в голосе Стрельникова, живенько впорхнула в кабинет и плюхнулась на диван.

– Я не приглашал вас садиться, – противным менторским тоном заметил Витольд. – Какой у вас вопрос, что вы оставили прием и явились сюда? Что-то срочное?

– Вит... – пробормотала Инна, жалко улыбнувшись.

– Витольд Александрович, – «попросил» Стрельников. – Вам лучше вернуться к больным, Инна Михайловна.

– Но я не понимаю... – всплеснула руками Инна. – Ты бросаешь меня?

– Что конкретно вам не понятно? – вкрадчиво поинтересовался Витольд и, распахнув дверь, вышел в приемную.

– Нина Николаевна, при всем моем уважении, – заявил он. – Пожалуйста, интересуйтесь, с какой целью рядовые сотрудники в рабочее время вламываются ко мне в кабинет. Если нет ничего срочного, пусть записываются на прием по личным вопросам.

– Хорошо, – довольно закивала секретарь и уточнила подобострастно: – Это касается всех?

– Абсолютно! – пропел Стрельников, заходя обратно в кабинет.

Инна Чернова, еле сдерживая слезы, выскочила из приемной.

«Это все! Он не вернется, – пронеслось в голове. – И так гадко бросил, словно использованный презерватив. Пропади ты пропадом, Витольд Александрович!»

Но через пару часов, придя в себя, Чернова позвонила школьной подруге и попросила:

– Дай мне телефон Иллари, пожалуйста! – И, записав городской номер телефона на клочке бумаги, уточнила: – Она же привороты делает?

Витольд прошелся по сайту букинг.ком и сразу же выбрал виллу на первой береговой линии. «Mi corazon». «Мое сердце». В прошлом году именно там жил профессор Грандиевский из Америки, и в последний вечер он устраивал шикарную прощальную вечеринку. В этом году в разгар симпозиума вилла пустовала. Странно!

Витольд помнил просторные комнаты, оформленные в средиземноморском стиле. Белые стены и узорчатая плитка на полу, а еще голубые ставни и огромная терраса с бассейном, а стоит выйти за калитку, сразу начинается тонкая полоска пляжа и море. Отличное место! Мэри должно понравиться.

Он скосил глаза на экран и увидел внизу мигающий чemoданчик. Открывать нельзя, иначе жена не получит сообщение и поймет, что за ней шпионят. Витольд подвел курсор

мышы к мигающему значку. Сразу высветилось сообщение.

«Муська, ты тут?»

Катерина – школьная подруга.

– Да, – откликнулась жена. – Привет, Катюшка.

Витольд открыл окно диалога и принялся ждать. Значит, и в рабочее время болтают.

– Как дела? – поинтересовалась Катерина.

– Не знаю, – сразу напечатала Мэри. – Объявился муж, везет нас завтра в Барселону. С Владом из-за этого поссорились. А тут еще Супер-кот притащился с целой оранжереей.

– А это кто? – осведомилась Катя и прислала смайлик с огромными глазами.

– Да бандит! Помнишь, я рассказывала? – подмигивающий смайлик.

– А-а-а, этот... И что?

– Приволок цветы, зовет обедать.

– А ты?

– Отказалась. Но этим только раздраконила. Заявил секретарю, что останется в приемной, пока я с ним не поговорю. Представляешь? Придется до вечера не выходить, – смайл с дурацкой ухмылкой.

– А потом что?

– Витольд с Вадимом меня заберут.

– Интересно, как Тольдик прореагирует... – смайл с повешенной головой.

«Тольдик! – рыкнул про себя Витольд, рассвирепев. – Зла

не хватает! А еще всякие Костики и Влады». Стрельников, взяв себя в руки, потянулся за мобильным и позвонил жене.

– Ты освободилась, мое сердечко? – осведомился ласково. – Давай пообедаем вместе?

– Как ты это себе представляешь? – устало хмыкнула Мэри.

– Зайду за тобой в обеденный перерыв, – предложил Витольд. – У вас в здании открылся итальянский ресторан...

– Хорошо, давай в ресторане встретимся в начале второго.

– Нет, – отрезал супруг. – Я за тобой в офис зайду. Говори этаж и номер кабинета.

– Тринадцатый этаж, в приемной спросишь, – недовольно пробурчала Маша и отключилась.

Маша скорчила рожицу погасшему экрану.

«Прямо волшебство, Витольд Александрович!»

Потом посмотрела на часы. До перерыва оставалось еще два часа. Она сверилась с записями в планинге. Следующий заказчик ожидался через час после обеда. Время еще есть. Маша сняла с руки подаренный мужем браслет и перевернула на обратную сторону. Вооружившись лупой, внимательно осмотрела камни, крепления, а потом вчиталась в малюсенькие цифры, выбитые в перекладине буквы «А».

До сих пор не верилось, что она придумала и осуществила такой сложный проект.

«ARHMA!» – Архипова Мария, именной дизайнерский бренд. Изготовление ювелирных украшений по индивиду-

альному авторскому эскизу. Эксклюзивно и узнаваемо. Благодаря умелой рекламе, браслеты, кольцо и серьги мгновенно стали популярными, заняв совершенно пустой сегмент рынка. Маша контролировала изготовление украшений на всех стадиях- от собственного эскиза до подбора камней, их цвета и огранки.

– У нас, конечно, не Тиффани, – любила повторять Анечка, соучредитель компании, вдохновитель проекта, а также старинная Майкина подруга. – У нас в разы круче.

Маша открыла программу, учитывающую продажи, и вбила номер изделия в окошко поиска. Сразу высветились подробности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.